

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Семейное
дело

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут
Семейное дело

«Азбука-Аттикус»

1940, 1963, 1969, 1975

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Семейное дело / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус», 1940, 1963, 1969, 1975 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-23074-3

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Никогда еще в стенах особняка Ниро Вулфа не случалось убийств. Официант Пьер Дакос из ресторана «Рустерман», явившийся ночью в дом сыщика, заявляет, что на него готовится покушение, и требует встречи с Вулфом. Арчи Гудвин, чтобы не будить шефа, предлагает Пьеру переночевать в их доме и встречу перенести на утро. И когда все успокоились, в доме грохочет взрыв. Замаскированная под сигару бомба взрывается у Пьера в руке... Что еще остается сыщику, как не взяться расследовать преступление («Семейное дело»). Личный повар Вулфа заболевает гриппом, и сыщик вынужден временно перейти на пищу из лавки деликатесов. Но какова же была степень негодования сыщика, когда в паштете, купленном Арчи Гудвином в лавке, был обнаружен хинин. Неужели Ниро Вулфа кто-то собирался отравить? Сыщик начинает собственное расследование, и оно приводит к непредсказуемым результатам... («Горький конец») Для читателей не секрет, что традиционная трапеза, приготовленная Фрицем Бреннером, личным поваром Ниро Вулфа и кулинаром высшего класса, непременно присутствует в каждом романе Стаута. В «Кулинарной книге», завершающей этот сборник, собраны рецепты любимых блюд знаменитого детектива («Кулинарная книга Ниро Вулфа»). Большинство произведений, вошедших в сборник, даны в новых переводах или публикуются впервые.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-23074-3

© Стаут Р. Т., 1940, 1963, 1969, 1975

© Азбука-Аттикус, 1940, 1963, 1969,
1975

Содержание

Семейное дело	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	49
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Рекс Стаут Семейное дело

Rex Stout

A FAMILY AFFAIR

Copyright © 1975 by Rex Stout

BITTER END (BAD FOR BUSINESS)

Copyright © 1940 by Rex Stout

WHY NERO WOLFE LIKES ORCHIDS

Copyright © 1963 by Rex Stout

THE NERO WOLFE COOKBOOK

Copyright © 1973 by Rex Stout

© К. М. Королев, перевод, 2023

© А. В. Санин, перевод, 1994

© О. Э. Александрова, перевод, 2023

© Т. В. Чернышева, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Иностранка®

Семейное дело

Глава 1

Когда в дверь старого особняка из бурого песчаника звонят, это слышно сразу в четырех местах: на кухне, в кабинете, в комнате Фрица и у меня в спальне. Кому идти открывать, зависит от обстоятельств. Если на часах без десяти час ночи, а меня дома нет, то не откроет никто и ночному гостю придется ждать до утра. Если он проявит настойчивость и будет трезвонить минут пятнадцать, то Фриц все-таки выйдет к нему, приоткроет входную дверь на ширину накинутой цепочки и внятно объяснит: дескать, приходите утром. А если я дома, то с меня сначала выглянуть в окно, узнать, кого там принесло, а уже потом разбираться, зачем мы кому-то понадобились.

Вообще-то, в такое время к нам ломятся редко, но в ту ночь с понедельника на вторник в конце октября все случилось именно так. Я был дома, но ложиться пока не ложился – торчал в кабинете, куда заглянул по привычке, проводив Лили Роуэн после спектакля и совместного ужина во «Фламинго». Да, я всегда навещаюсь в кабинет по вечерам, проверяю, не оставил ли Вулф для меня какой-либо записки с указаниями. В тот вечер записки не было. Я шагнул было к сейфу, чтобы удостовериться, что замок заперт, но тут прозвенел звонок. Я вышел в прихожую и сквозь одностороннее стекло входной двери увидел на крыльце Пьера Дюко.

Он частенько обслуживал меня, да и других тоже, в одном из трех кабинетов наверху в ресторане «Рустерман». В иных местах мы прежде не сталкивались, уж точно не на нашем крыльце среди ночи. Я отодвинул засов и приоткрыл дверь:

– Я не голоден, но так и быть, заходите.

Пьер переступил порог:

– Мне нужно поговорить с мистером Вулфом.

– В это время? – Я запер дверь. – Разве что речь идет о жизни и смерти.

– О них.

– Ну, не знаю. – Я окинул Пьера взглядом, впервые видя его не в униформе. Я знал, что ему пятьдесят два, но в свободном бежевом пальто до колен и без шляпы он выглядел старше. Казалось, будто под пальто он как-то съезжился, а его лицо стало меньше и морщинистее. – Кому неприятности грозят?

– Мне.

– Давайте потолкуем. – Я повернулся. – Идите за мной.

Я провел его в кабинет. Предложил забрать пальто, но он сказал, что предпочитает остаться одетым, и это было разумно. Отопление выключили два часа назад, а домашний термостат мы опустили на четыре градуса, чтобы не расходовать зря топливо. Я взмахом руки указал Пьеру на одно из желтых кресел, сам же сел за свой стол и всем видом продемонстрировал, что готов слушать.

Он всплеснул руками:

– Вы правильно сказали. Это вопрос жизни и смерти. Для меня. Меня хотят убить.

– Нет, так не пойдет. Хорошего официанта найти непросто, да и не в том вы возрасте, чтобы умирать. Кто хочет вас убить и почему?

– Вам бы только посмеяться, Гудвин. Между прочим, смерть – это вовсе не смешно.

– Ошибаетесь. Жизнь – вот что не смешно. Итак, кто вам угрожает?

– Я расскажу мистеру Вулфу.

– Он давно спит. Обычно он принимает клиентов только по записи, но для вас, полагаю, сделает исключение. Приходите утром, часов в одиннадцать. А если ждать неважно, рассказывайте мне.

– Я... – Он оборвал себя и уставился на меня. В ресторане он видел меня вблизи минимум полсотни раз, если не всю сотню и наверняка давным-давно составил обо мне какое-то мнение, но все равно молчал секунд десять, что-то прикидывая в уме. Раскрыл рот, закрыл, потом раскрыл снова. – Поймите, мистер Гудвин, мне хорошо известно, что мистер Вулф – величайший на свете детектив. Так говорит Феликс, и все остальные ему вторят. Вы, конечно, тоже неплохой сыщик, это все знают, но когда человек уверен, что его убьют, если только он... если только... – Пьер стиснул кулаки, затем разжал пальцы и опустил руки на колени, ладонями вверх. – Мне очень нужно поговорить с мистером Вулфом.

– Ладно. Жду вас завтра утром в одиннадцать. К которому часу вам на работу?

– Я не пойду на работу. – Он бросил взгляд на наручные часы. – Еще десять часов... А можно заночевать у вас, вон на том диване? Белье и одеяло мне не нужны, я никого не беспокою, честное слово.

Похоже, он и вправду напуган или думает, что напуган. Диван в углу кабинета, за моим столом, вполне годился для сна, это подтверждал мой собственный опыт: мне доводилось спать на нем не раз и не два – обстоятельства вынуждали, а с другой стороны выступающей стены располагалась оборудованная ванная. Но оставлять чужака на целую ночь в кабинете, где десяток тысяч документов и улики на столах и в ящиках, даже не запертых, – на это я, разумеется, пойти не мог. Вариантов, как поступить, имелось четыре: убедить Пьера открыться мне, пойти разбудить Вулфа, пустить Пьера переночевать или прогнать до утра. На первое уйдет добрый час, а я устал и глаза уже слипаются. Второе неразумно. Если официанта прогнать, а к одиннадцати утра он не явится, потому что успеет умереть, в следующий раз за ланчем или за обедом в кабинете наверху в «Рустермане» Вулфа будет обслуживать новый официант, что неизбежно вызовет вопросы, а я горько о том пожалею.

Я снова покосился на Пьера. Может, обыскать его? Может, он по какой-то неведомой причине затаил на Вулфа личную обиду или его нанял кто-нибудь из тысячи-другой людей, уверенных, что без Ниро Вулфа на свете станет намного проще жить? Да, такое возможно, однако вряд ли он стал бы тогда ломать эту ночную комедию. Скорее он попросту подсыпал бы отраву в еду Вулфа, якобы отлучившись за заказом. Ладно, хватит. В конце концов, Пьер изучил меня, а я изучил его...

– Моя пижама будет вам велика, – сообщил я.

Он помогал головой:

– Я не стану раздеваться, хотя обычно сплю нагишом.

– Как скажете. Так или иначе, белья и одеял полным-полно в нашей Южной комнате, двумя этажами выше. Я сплю на том же этаже, над комнатой мистера Вулфа. По правде сказать, я уже шел спать, когда вы позвонили в дверь. Идемте.

– Мистер Гудвин, я не хочу докучать... Позвольте мне остаться здесь. – Тем не менее он встал вслед за мной.

– Не позволю. Решайте – либо наверх, либо на улицу.

– На улице страшно. В воскресенье вечером меня чуть не сбила машина. Это он, мой убийца, я знаю. Мне страшно выходить наружу.

– Тогда идемте. Может, когда отоспитесь, вам станет легче.

Я направился к двери, и он послушно поплелся за мной. У лестницы я щелкнул выключателем, бодро взбежал по ступенькам, но дальше пришлось задержаться, потому что Пьер изрядно отстал. На площадке третьего этажа я свернул налево, распахнул дверь Южной комнаты и зажег свет. Проверять, застелена ли постель и есть ли в ванной полотенца, не было нужды. Я знал, что все в порядке. Требовалось лишь включить радиатор.

– Простите, мистер Гудвин, – извинился Пьер. – Мне очень жаль...

– Мне тоже, – заверил я. – Жаль, что вы угодили в неприятности. Короче, оставайтесь тут, пока я не сообщу, что рассказал мистеру Вулфу о вашем деле. Это произойдет около девяти утра. Если вам вздумается открыть дверь и сунуться в коридор раньше восьми, у меня прозвонит звонок и я выскочу к вам с пистолетами в обеих руках. Безопасность, сами понимаете. Может, вам чего-нибудь налить? Виски? Спать крепче будете...

Он отказался, снова принялся извиняться, и я ушел, плотно закрыв за собой дверь. У себя в спальне я посмотрел на часы. Семнадцать минут второго. Никаких тебе положенных восьми часов сна. Обычно, когда ложусь поздно, я ставлю радиобудильник на девять тридцать, но сегодня так не получится. Мне нужно встать, одеться и успеть рассказать Вулфу о госте, прежде чем он отправится в оранжерею в девять утра.

Разумеется, я запомнил, сколько минут потратил на все эти размышления. Шесть, в худшем случае – семь. Надо поторопиться, Арчи. Я достал из шкафа пижаму, установил будильник на нужное время, откинул покрывало, переключил свой телефонный аппарат на прием звонков, щелкнул двумя выключателями, повесил на плечики пиджак, развязал галстук, снял ботинки и носки и уже расстегивал ремень, когда дом содрогнулся от чудовищного грохота. Пол у меня под ногами заходил ходуном. Позже я безуспешно пытался сообразить, что именно напоминал этот звук. Не гром, точно, и не выстрел. Он не был похож вообще ни на один из привычных звуков. Не удар, не раскат, не взрыв, просто оглушительный грохот. Хорошо, что сразу несколько стен и дверей отделяли меня от его источника.

Я метнулся в коридор и поспешно включил свет. Дверь в Южную комнату оставалась закрытой. Я подскочил к ней, подергал ручку. Бесполезно, Пьер заперся изнутри на засов. Я сбежал на пролет вниз, убедился, что дверь в комнату Вулфа целехонька, подошел ближе и постучал. Обычные три стука, с коротким промежутком. В ответ мне рыкнули:

– Что стряслось, Арчи?

Я открыл дверь, вошел и зажег свет. Уж не знаю почему, но в желтой пижаме Вулф смотрится куда крупнее, чем в костюме. Не толще, а именно крупнее. Он откинул желтое электрическое одеяло заодно с черной простыней и успел сесть в кровати.

– Ну? – требовательно спросил он.

– Не знаю, – признался я, мысленно похвалив себя за то, что мой голос не сорвался на писк от удовольствия лицезреть Вулфа в таком виде. – У нас гость, ночует в Южной комнате. Дверь заперта на засов, но надо проверить.

Из трех окон по южному фасаду два крайних всегда оставляли на ночь приоткрытыми, дюймов на пять, а среднее закрывали и задергивали шторы. Я раздвинул занавески, взялся за шпингалет, раскрыл створки и выбрался наружу. Пожарная лесенка была всего на фут шире оконного проема. Позднее я пытался вспомнить, было ли холодно моим босым ногам, когда я лез по перекладинам вверх, но так и не вспомнил. Уж всяко я перестал обращать внимание на холод, когда забрался выше и увидел, что стекла в окне Южной комнаты выбиты почти целиком. Я просунул руку между зазубренными осколками, нащупал задвижку, открыл окно и осторожно заглянул внутрь.

Пьер лежал на спине, головой ко мне и ногами к закрытой двери в стене справа от окна. Я аккуратно смахнул осколки стекла с подоконника, пролез в комнату и, высматривая стекло на ковре, подошел к ночному гостю. У Пьера попросту не осталось лица. Я никогда такого раньше не видел. Попробуйте вообразить, что вы залепили кому-то лицо толстым слоем теста, а потом залили кровью нижнюю половину этой лепешки... Пьер был мертв, конечно, однако я присел на корточки, чтобы в этом удостовериться. Тут в дверь трижды громко постучали. Я поднялся, отодвинул засов и впустил Вулфа. Он держал в руках трость. Обычно одна из тростей стоит в подставке в прихожей внизу, а еще четыре в его комнате. Набалдашник у этой трости была размером с мой кулак, и Вулф уверял, что она вырезана из древесины черноморской яблони.

– Вам это не понадобится, – заметил я и посторонился, позволяя ему пройти.

Он вошел в комнату и внимательно огляделся.

– Пьер Дюко из ресторана «Рустерман», – пояснил я. – Явился, когда я уже вернулся. Твердил, что кто-то хочет его убить и что ему надо посоветоваться с вами. Я предлагал пообщаться со мной, если дело срочное, или вернуться завтра в одиннадцать. Он сказал, что его пытались задавить на улице и что...

– Обойдемся без подробностей.

– А их и нет. Он хотел дождаться вас на диване в кабинете, но я ему, естественно, не разрешил, отвел сюда и велел не высовываться. Потом пошел к себе, а через несколько минут громыхнуло. Он заперся изнутри, так что...

– Он мертв?

– Ну да. Стекла выбило наружу, значит бомбу подложили. Надо осмотреться, прежде чем вызывать полицию. Если вы...

Пришлось замолчать, ибо Вулф начал двигаться. Приблизился к Пьеру, наклонился, изучил тело. Выпрямился, посмотрел на дверцу шкафа – та распахнулась от взрыва, ударилась о стену и треснула. На пол осыпалась штукатурка с потолка, стол перевернуло кверху ножками, лампа разбилась вдребезги, а стул отшвырнуло в изножье кровати.

Наконец Вулф повернулся ко мне:

– Тебе и так придется.

Впоследствии это его замечание много обсуждалось, но тогда я просто сказал:

– Ага, я собираюсь...

– Я знаю, что ты собираешься делать. Сначала обуйся. Я иду к себе и запрусь на засов. Буду у себя в комнате, пока полиция не явится и не отбудет. Всем говори, что я никого не принимаю. Передай Фрицу, чтобы принес мне завтрак, когда поблизости никого не будет. Теодору сообщи, чтобы он меня в оранжерее не ждал. Все понятно?

– Так точно.

Он удалился, по-прежнему сжимая в руке – за нижний конец, не за набалдашник – трость из черногорской яблони. Звука лифта я не услышал, значит он спустился к себе пешком, что бывает крайне редко. Да еще и босым.

Что бы Вулф ни говорил, а он знать не знал, что я намерен предпринять. Он и не подозревал, что я спущусь на цокольный этаж, где обитал Фриц. Но сначала я натянул носки, обулся и накинул пиджак, потом прошел в кабинет и поднял термостат до 70 градусов¹, затем спустился и громко постучал в дверь комнаты Фрица. Наш повар – завидный соня, но сейчас дверь открылась где-то через полминуты. Подол его ночной рубахи колыхался на ветерке из открытого окна. Мы с Фрицем часто спорили, что лучше – пижама или ночная рубаха, и конца этому спору не предвиделось.

– Прости, что вламываюсь, – извинился я. – Но кое-что случилось. Пришел посетитель, я отправил его в Южную комнату, а он притащил с собой бомбу, и та взорвалась. Он погиб. Дом цел, только сама комната пострадала. Мистер Вулф приходил, осмотрелся и ушел к себе, заперся на засов. Не исключено, что нам с тобой спать больше не придется, скоро сюда завалится шумная толпа копов. Когда понесешь ему завтрак...

– Дай мне пять минут, – перебил Фриц. – Ты будешь в кабинете?

– Нет. Наверху, в Южной комнате. Когда понесешь ему завтрак, убедись, что за тобой никто не увязался.

– Четыре минуты. Мне тоже подняться к тебе?

– Нет, оставайся внизу. Просто впусти полицию, и все. Но суетиться не будем. Мне надо сделать парочку дел, а уже потом я им позвоню.

¹ По Фаренгейту, то есть чуть выше 21 °С. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Кого впускать?

– Всех и каждого.

– *Von Dieu*².

– Согласен. – Я направился было к лестнице, но по дороге наверх решил не сворачивать в кабинет за резиновыми перчатками – без них будет проще и быстрее.

Пьер по-прежнему лежал на полу, и перво-наперво следовало понять, как он там очутился. Я не считаю себя специалистом по взрывчатке, но одна идея меня посетила. Среди ошметков штукатурки на полу то и дело попадались какие-то странные стружки, самая крупная размером с ноготь моего большого пальца. Еще я отыскал четыре таких, какие смог опознать. Во всяком случае, я решил для себя, что это алюминий. Среди них обнаружилась стружка шириной четверть дюйма и длиной около полдюйма. На ней проступали темно-зеленые буквы «ЕДР». На стружке поменьше виднелась надпись «ДО», на ее товарке – «ду», последняя оказалась без клейма. Я оставил эти стружки валяться там, где они валялись. Если пытаешься убрать улики с места преступления, рано или поздно наступает такой день, когда возникает надобность эти улики предъявить и объяснить, откуда они взялись.

Что касается резиновых перчаток, насчет них я вообще задумался, потому что спросил себя: а не найдется ли на теле жертвы какая-нибудь записка с именем или иная улика? Короче, я опустился на колени рядом с Пьером и тщательно обыскал труп. Пальто он так и не снял, кстати. В карманах пальто ничего не нашлось, в карманах пиджака и брюк отыскались обычные предметы: сигареты, спички, пара долларов мелочью, кольцо для ключей, носовой платок, перочинный нож, бумажник с водительским удостоверением, кредитками и восемьдесят четыре доллара наличкой. Ничего такого, в чем можно было бы углядеть подсказку. Конечно, стоило бы проверить обувь, убедиться, что он не приклеил никаких улик к своей коже, но подобная проверка требовала времени, а его было в обрез.

Я спустился в кабинет, где меня поджидал полностью одетый Фриц, сел за стол, придвинул к себе телефонный аппарат и набрал по памяти номер.

² Боже мой (*фр.*).

Глава 2

Отношение к нам с Вулфом у сержанта Пэрли Стеббинса было своеобразным – из разряда «да и нет» или «хотелось бы нет, но да». Если он обнаруживал нас в радиусе десяти миль от места убийства, то явно желал податься в дорожный патруль или бороться с распространением наркотиков, однако хорошо понимал, что наверняка скоро произойдет что-то такое, чего нельзя пропустить. А мое отношение к нему такое: я считал, что бывают копы и похуже. Мне лично доводилось встречать нескольких.

В 4:52 сержант Стеббинс сел в желтое кресло в кабинете, откусил от сэндвича, приготовленного из испеченного Фрицем хлеба, и сказал:

– Тебе чертовски хорошо известно, Гудвин, что я обязан спросить Вулфа, не произносил ли Дюко или кто-то еще в ресторане каких-то слов, которые могут быть полезны для расследования. Не я спрошу, так другие захотят узнать. В одиннадцать утра или в шесть вечера.

Я доел свой сэндвич:

– Сомневаюсь, что он захочет сотрудничать. Уж точно не в одиннадцать, да и в шесть вряд ли. Глядишь, он даже со мной откажется говорить. Человека убили в его собственном доме, всего в десяти футах от него самого. Ты же его знаешь, верно?

– Угу. Инспектор тоже знает. И тебя, Гудвин, я давно раскусил. Если думаешь меня обвести вокруг...

Я хлопнул ладонью по столу:

– Хватит! В моих показаниях, которые я подписал, четко сказано, что я нашел жертву на полу мертвой. Возможно, по телефону мне следовало бы привести больше подробностей, но с места преступления я ничего не забирал. Признаю, впрочем, что кое-какие улики я придержал. Они будут обнародованы на суде, если и когда тот случится.

– Вот как? Придержал, значит?

– Да. Конечно, ты отошлешь все, что вы найдете, в свою лабораторию, и ответ поступит быстро, думаю, через пару дней. Но, быть может, тебе будет приятно сообщить самому... Короче, я знаю, как изготовили эту бомбу.

– Ага. А в показаниях этого нет.

– Пришлось бы целую лишнюю страницу писать, а я устал. К тому же я предпочитаю сам рассказать тебе. Ты слышал о сигарах дона Педро?

Стеббинс проглотил последний кусок сэндвича, не сводя с меня пристального взгляда:

– Нет.

– Еще бы! Кремер удавится такие покупать. Девяносто центов за штуку. У «Рустермана» их подают в алюминиевых цилиндриках, на которых большими темно-зелеными буквами с одной стороны написано «ДОН ПЕДРО», а с другой – маленькими буквами «Гондурас». В уликах, которые вы собрали, есть кусок алюминия с надписью «ДО», другой кусок с надписью «ду» и большой кусок с надписью «ЕДР». В общем, вот как все было, по-моему. Когда я вышел из комнаты, Пьер то ли сел, то ли побродил туда-сюда несколько минут, потом решил раздеться и лечь спать – и открыл дверцу шкафа. Когда снимаешь пальто, чтобы повесить его на вешалку, то машинально проверяешь карманы? Лично я – да, проверяю, и Пьер, видимо, тоже проверял. В одном кармане он наткнулся на футляр с сигарой от дона Педро, который, разумеется, сразу узнал. Он понятия не имел, как этот футляр к нему попал, и отвинтил крышку, держа близко к лицу – скажем, дюймах в десяти от себя. Если ты заметил, на подбородке у трупа ссадина, след от алюминия. Вот отчего у него лицо словно расплющилось. Ученые называют такой взрыв как-то по-особенному, но я забыл слово. Можешь сам поискать, если захочешь включить в отчет.

Стеббинс слушал меня, не размыкая плотно сжатых губ и поглядывая из-под наполовину прикрытых век. В моем стакане оставалось с полдюйма молока, и я допил остаток.

– Что это за алюминиевые стружки, я сообразил еще до того, как позвонил вам, но остальное – где и как все произошло – мне стало ясно позднее, пока я ждал вас и занимал себя разными мыслями. Также я прикинул, что могло бы случиться, вздумай я обыскать Пьера прежде, чем вести его наверх. Конечно, я бы тоже захотел узнать, что там в футляре... Ну да ладно, я то жив. Почему не стал обыскивать, я уже объяснял. В общем, в моих показаниях этого нет, так что с тебя коробка конфет. Я предпочитаю карамельки.

Стеббинс наконец разомкнул губы:

– Я пришлю тебе орхидею. Ты хоть представляешь, что начнется, если до этого докопается Роуклифф?

– Разумеется. Он отправит целый взвод выяснять, где недавно я покупал сигары дона Педро. Но ты-то не обделен мозгами и даже иногда ими пользуешься.

– Не забудь как-нибудь отметить это в своих показаниях. Мои мозги подсказывают, что Дюко мог сказать что-то такое, из чего ты вывел, откуда у него взялась эта сигара. Но в показаниях об этом ни слова.

– Наверное, забыл. Прости великодушно.

– А еще я уверен, что окружной прокурор захочет узнать, почему я не забрал тебя в участок как важного свидетеля. Бомба взорвалась в час двадцать четыре, ты проник в комнату жертвы и нашел его на полу через две или три минуты, а нам позвонил в два часа одиннадцать минут. То есть через сорок пять минут, хотя тебе известны требования закона, у тебя же есть лицензия.

– Давай-ка проясним.

– Окружной прокурор захочет узнать, почему я тебя не задержал.

– Ну да, и ты все ему растолкуешь, а я тебя поддержу, когда выплыву. Было совершенно понятно, что спешить некуда. Из-за чего бы Пьер ни погиб, он явно принес устройство с собой. Взрыв случился среди ночи. Если бы я позвонил тебе сразу, а ты примчался через две минуты, ровным счетом ничего бы не изменилось. Как ни крути, нам с тобой ждать до утра, раньше ты не сможешь выяснить, где он был и с кем виделся перед тем, как пойти к нам. В «Рустермане» сейчас только ночной сторож, да и тот, полагаю, преспокойно дрыхнет. Кстати, я вот что придумал. Орхидею присылать не надо, дай мне лучше письменное разрешение зайти в комнату жертвы и чем-нибудь прикрыть окно. На окне ведь полицейских лент нет. А то кто угодно может залезть внутрь по пожарной лесенке снаружи. С прочим торопиться нет нужды, штукатурка и другой хлам никуда не денутся.

– Штукатурку убрали. – Стеббинс поглядел на часы и поднялся, хватаясь для верности за подлокотники кресла; странно, обычно он так не делает. – Надо же, Гудвин, ты хоть в чем-то сознался. Размяк, поди? Лента на окне висит, и не смей до нее дотрагиваться. Должны подъехать наши спецы, которые в бомбах разбираются. А начальство пожелает потолковать с Вулфом.

– Я же сказал, он вряд ли захочет...

– Ага-ага. Знаешь, что я думаю? Что он просверлил дыру в потолке и пропихнул бомбу в спальню жертвы.

Стеббинс направился к двери.

Я встал и неспешно последовал за ним. Настроение было хуже некуда – не то что спешить, вообще что-либо делать не возникало ни малейшего желания. Когда Стеббинс удалился и дверь закрылась, я накинул цепочку, выключил свет в кабинете и прихожей и поднялся в свою комнату, безжалостно бросив – трудно поверить, не так ли? – грязные тарелки и стаканы на столе. Фриц ушел спать почти час назад, когда толпа копов, за исключением Стеббинса, разбежалась, но предварительно, не спрашивая нас, приготовил на скорую руку сэндвичи.

Конечно, я заснул через две минуты после того, как принял горизонтальное положение, и проспал очень долго. Я вовсе не похваляюсь этим достижением, не надо считать меня вульгар-

ным дикарем, но факт есть факт. Будильник я поставил на десять утра. Впрочем, были подозрения, что меня все равно разбудят раньше – звук-то телефона я приглушил, но провод из розетки выдергивать не стал.

Как ни удивительно, обошлось. Когда по радио изрекли: «Вы никогда не пожалеете о том, что поддались соблазну и решились испробовать единственный крем, который побуждает желать прикосновения к собственной коже!», я протянул руку к регулятору звука, не открывая глаз. Потом попытался убедить себя, что лишний часик сна никому не повредит, но внезапно осознал, что есть проблема, которая сама собой не разрешится. По имени Теодор. В общем, я открыл глаза, дотянулся до домашнего телефона и позвонил на кухню.

Спустя пять секунд голос Фрица проронил:

– Да.

Наш повар утверждает, что нисколько не подражает Вулфу, но Вулф обычно отвечает «Да?» – и Фриц тоже так говорит.

– Уже на боевом посту? – осведомился я.

– Да. Отнес ему завтрак.

– Он съел?

– Да.

– Господи, ты с утра сама прелесть!

– Не мели ерунды, Арчи. Он в ярости. А ты?

– У меня все чувства отшибло. Что там насчет Теодора?

– Пришел, поднялся в оранжерею. Я предупредил, что Вулфа ждать не стоит.

– Пожалуй, я сейчас спущусь, но по поводу завтрака не утруждайся. Я перекушу второй страницей «Таймс» под уксусом.

– Советую кетчуп. – Фриц повесил трубку.

Когда я наконец добрался до кухни, меня дождалась полностью подготовленная сцена: приборы, чашка, соусница, масло и тосты на маленьком столике, экземпляр «Таймс» на подставке, сковородка на плите. А на большом столе посередине сверкали на тарелке ломтики домашнего скрэппла. Я взял стакан и направился к холодильнику за апельсиновым соком. Налил немного и сделал глоток.

– Что касается меня, старина, мы с тобой по-прежнему друзья. Больше того, Фриц, ты мой единственный друг на этом свете. Съездим куда-нибудь вместе? Скажем, в Швейцарию? Это довольно далеко, правильно? Нам звонили?

– Четыре раза, но я не снимал трубку. И он тоже. – Фриц увеличил нагрев сковородки. – Эта лента на двери с надписью «Департамент полиции Нью-Йорка» долго еще провисит?

Я сделал новый глоток сока.

– Отличная мысль! Забудем о всякой чепухе вроде газетных заголовков «Гость в доме Ниро Вулфа погиб от взрыва бомбы» или «Арчи Гудвин открыл дверь убийце!». Лучше озаботиться лентой на двери. Прекрасная мысль!

Фриц принялся жарить бекон на сковородке. Я присел на стул у маленького столика и взял в руки «Таймс». Президент Форд призывал нас так или иначе победить инфляцию. Никсон в шоке от последствий. Судья Сирика заявил адвокату Эрлихмана, что тот слишком много болтает. Арабы все за Арафата. Обычно такие статьи побуждали меня поскорее перейти к внутренним страницам газеты, но сегодня мне потребовалась вся сила воли для того, чтобы пробежать взглядом хотя бы первые абзацы. Я заглянул в другие разделы – новости спорта, погода, некрологи, городская хроника – и решил, что мозг соглашается исполнять приказы, только когда мыслит одинаково с тобой. Затем я перешел к размышлениям на тему, что бы это, собственно, значило, но тут Фриц поставил передо мной тарелку с двумя ломтиками скрэппла и одновременно издал некий звук, что-то вроде «Тчч-ча!». Я спросил, в чем дело, и он ответил, что забыл подать мед, после чего сходил и быстро принес его.

Я намазывал маслом третий тост, когда зазвонил телефон. Я стал считать. После двенадцатого звонка аппарат умолк. Спустя пару минут Фриц произнес:

– Никогда не видел тебя таким.

– Знаешь, ты меня много каким не видел, если начистоту. Ты убрал грязные тарелки и стаканы из кабинета?

– Я туда не заходил.

– А он спрашивал обо мне, когда ты относил ему завтрак или когда забирал поднос?

– Нет. Он спросил, удалось ли мне выспаться. Я начал отвечать, упомянул, сколько полицейских к нам пожаловало, и он меня остановил.

– Это каким же образом?

– Просто посмотрел и отвернулся.

– Он был одет?

– Да. Темно-коричневый костюм в мелкую полоску. Желтая рубашка, коричневый галстук.

Когда я отставил пустую кофейную чашку и направился в кабинет, было десять минут двенадцатого. Поскольку Вулф не спустился к нам, как обычно, в одиннадцать, можно было допустить, что он и дальше будет отсиживаться у себя. Я прикинул, что нелепо пренебрегать повседневными трудами, будто обиженный ребенок, а потому смахнул пыль со столов, оторвал вчерашние листки календарей, сменил воду в вазе на столе Вулфа, отнес на кухню грязную посуду и поставил на место кресло, в котором ночью сидел Пэрли Стеббинс. Потом взялся за почту, но меня отвлек звонок домашнего телефона. Я снял трубку:

– Я в кабинете.

– Ты поел?

– Да.

– Поднимись ко мне.

Я взял копию своих показаний из ящика стола и отправился наверх. Раз меня вызвали, стучаться я, разумеется, не стал. Он сидел за столом между окнами, с книгой в руках – то ли дочитал свой экземпляр «Таймс», то ли его мозг тоже отказывался сотрудничать, как мой. Когда я приблизился, он отложил книгу – «Дворцовую стражу» Дэна Ратера и Гэри Гейтса³ – и проворчал:

– Доброе утро.

– Доброе, – процедил я.

– Ты в центр выбирался?

– Нет. И к телефону не подходил.

– Садись и докладывай.

Конечно, себе он забрал самое большое кресло. Я подтащил другое, сел и начал:

– Лучше и проще всего будет, если вы прочтете копию показаний, которые я дал Стеббинсу. – Я вручил Вулфу четыре листка бумаги.

Обычно ему вполне хватало пролистать документ один раз, но теперь он вернулся к первым двум страницам, где дословно приводился наш с Пьером ночной разговор.

Вулф покосился на меня:

– Что ты утаил?

– Из разговора с Пьером – ровным счетом ничего. Каждое слово правдиво. Из остального – тоже ничего, разве что умолчал, как вы явились вооруженным, с этой вашей палкой, и о ваших словах, что мне, мол, и так придется всем заняться. Там есть все, что было сказано и что произошло, однако я не стал упоминать о своей догадке. Об этом я рассказал только Стеббинсу. Когда Пьер остался один, он нащупал кое-что в кармане своего пальто и достал это

³ Журналистское расследование (1974) деятельности администрации Р. Никсона накануне Уотергейтского скандала.

кое-что – алюминиевый футляр из тех, в каких приносят сигары от дона Педро. Пьер отвернул крышку, и футляр взорвался в нескольких дюймах от его лица. Вы сами видели, какое у него лицо стало... На полу валялись алюминиевые стружки, и я сумел прочесть обрывки надписей на некоторых из них. Их, конечно, все подобрали и предъявили Стеббинсу. Короче, я решил, что надо сообщить ему заранее, все равно полиция скоро придет к тем же выводам.

Вулф покачал головой, осуждая то ли Стеббинса, то ли меня:

– Что еще ты ему рассказал?

– Ничего. Я сообщил все, что знал. Никому другому никаких иных сведений не излагал, даже медицинскому эксперту и лейтенанту Бёрнэму, с которым вы никогда не встречались. Сам я не считал, но Фриц уверяет, что полицейских было девятнадцать человек. Дверь в Южную комнату опечатали. Говорят, днем должен подъехать специалист по бомбам, может, он что-нибудь найдет.

Когда Вулф желает произвести на кого-то впечатление и находится в кабинете, в том единственном кресле, которое по-настоящему ценит, то обыкновенно откидывается на спинку кресла и закрывает глаза; спинка кресла в спальне имела неподходящий наклон, поэтому он просто прищурился и подергал себя за мочку уха. Так продолжалось добрые две минуты.

– Ничего, – наконец проронил он. – Ничего вообще.

– Верно. Но вы же величайший детектив на всем белом свете, потому Стеббинс мне и не поверил. Он думает, что Пьер успел что-то сказать, то ли имя назвать, то ли что-нибудь этакое озвучить, а мы с вами это утаиваем, хотим сами дело раскрыть. Ну, по правде говоря, я точно хочу. Я бы сам мог отвернуть эту крышку. Получается, я кое-чем ему обязан.

– Я тоже. Подумать только, я спал в собственном доме, в собственной кровати, и тут... Это... это...

Я вопросительно приподнял бровь. Такое случилось впервые. Впервые на моей долгой памяти Вулф был настолько обескуражен, что не находил слов.

Он стукнул кулаком по подлокотнику кресла:

– Ладно. Позвони Феликсу, пусть приготовит нам ланч. – Вулф поглядел на настенные часы. – Через полчаса. Если кабинеты наверху все заняты, можно и на верхнем этаже, если это удобно. Тебе известны иные источники сведений о Пьере, помимо ресторана?

Я ответил отрицательно, поднялся, подошел к телефонному аппарату на тумбочке возле кровати и набрал номер.

Глава 3

На верхнем этаже в здании «Рустермана» когда-то проживал Марко Вукчич, владелец ресторана, друг детства Вулфа из Черногории, один из троих известных мне людей, которые звали его по имени. Около года после смерти Марко этаж пустовал, а затем Феликс, которому по наследству досталась треть имущества и который управлял рестораном под опекой Вулфа, перебрался наверх вместе с женой и двумя детьми. Дети со временем выросли, обзавелись своими семьями и съехали.

В двенадцать тридцать пять мы с Вулфом устроились за столиком возле окна на верхнем этаже, выходявшего на Мэдисон-авеню. Феликс, стройный и подтянутый, облаченный в синечерную с белым элегантную униформу на время ланча, стоял слева от Вулфа – и справа от меня.

– Еще морские гребешки, – произнес он. – Свежие, только что из залива. Просто отменные, уж поверьте. И лук-шалот отличный. Все будет готово через десять минут.

– И рисовые крокеты, – кивнул Вулф. – Я скажу повару... Его зовут Филип, так?

– Да, Филип Коррела. У нас все, конечно, знали Пьера, но Филип знал его лучше всех. Я-то сам, повторю, никогда не встречал Пьера где-либо еще, кроме ресторана. Мы будем скучать по нему, мистер Вулф. Он был хорошим человеком. Прямо не верится, что он погиб, да еще у вас дома. – Феликс посмотрел на часы. – Прощу прощения, мне пора. Я пришлю Филипа.

С этими словами он удалился вниз, встречать первых посетителей в общем зале.

– Угу, – проворчал я, – целая толпа примется повторять, что поверить, мол, невозможно, будто человек погиб в доме Ниро Вулфа. А кое-кто, наоборот, скажет, что где погибать, как не у нас под крышей. Даже не знаю, что хуже.

Вулф испепелил меня взглядом.

Из семидесяти с лишним сотрудников ресторана было всего несколько человек, которых Вулф и в глаза не видел: они нанялись на работу уже после того дня, как он свалил с себя бремя попечительства над наследством Марко.

Филип Коррела, в белом переднике и поварском колпаке, подошел к нам и коротко поклонился:

– Надеюсь, вы меня помните, мистер Вулф. Как и вы, мистер Гудвин.

– Разумеется, – откликнулся Вулф. – Вы однажды поспорили со мной по поводу руанского соуса.

– Именно так, сэр. Вы утверждали, что не надо туда класть лавровый лист.

– Я почти всегда это говорю. Традиции следует уважать, но ни к чему им поклоняться. Кстати, соусы у вас получаются неплохие. Присаживайтесь, будьте добры. Я предпочитаю беседовать, не задирая головы. – Он подождал, пока Филип придвинет стул и сядет лицом к нему. – Полагаю, Феликс объяснил, что мне нужно?

– Да, сэр. Вы хотите расспросить меня насчет Пьера Дюко. Мы дружили, крепко дружили. Знаете, я расплакался, когда узнал... В Италии мужчинам разрешено плакать. Я покинул Италию в двадцать один год, а с Пьером познакомился в Париже. – Филип посмотрел на меня. – По радио сказали, что это вы его нашли. – Он перевел взгляд на Вулфа. – В вашем доме, сэр. Но как он у вас оказался и почему его убили, этого никто не разъяснил.

Вулф шумно втянул бушель воздуха через ноздри и выдохнул через рот. Сначала Феликс, теперь Филип... А ведь это люди, которые его знают.

– Он пришел поговорить со мной, но я уже спал. Поэтому мне неизвестно, о чем он хотел побеседовать, и я вынужден опрашивать его знакомых. Раз вы были его другом и расплакались, когда обо всем узнали, можно допустить, что вы хотите найти и покарать убийцу Пьера. Верно?

– Конечно, сэр. А вы... вам известно, кто его убил?

– Нет, но я это выясню. Я кое-что скажу вам по секрету и задам несколько вопросов. Никому об этом не рассказывайте, понятно? Никому! Я могу на вас положиться?

– Можете, сэр.

– Вообще-то, немногие люди способны держать слово. Вы из таких?

– Не сомневайтесь, сэр, я умею хранить тайну. В особенности в подобных делах.

– Хорошо. Пьер уверял мистера Гудвина, что кто-то желает ему смерти, но подробностей не раскрыл. Вам он что-нибудь такое говорил?

– Что его хотят убить? Нет, сэр.

– Не рассказывал об угрозах, о какой-то неминуемой опасности?

– Нет, сэр.

– Не упоминал ни о каких событиях, давних или недавних, которые можно было бы истолковать как опасные для жизни?

– Нет, сэр.

– Вы виделись с ним и говорили на днях? Например, вчера?

– Конечно, сэр. Обычно я занят на кухне, а он обслуживает посетителей, но во время перерыва на ланч мы, как правило, едим вместе на кухне. Так было и вчера. В воскресенье я его не видел, – сами понимаете, ресторан в выходной не работает.

– Когда вы слышали? Когда узнали о его смерти?

– По радио этим утром. В восьмичасовых новостях.

– Значит, всего пять часов назад. Известие вас шокировало, а времени в целом прошло мало... Не припоминаете ничего необычного в его словах?

– Честно сказать, нет, мистер Вулф. Правда, если вы подразумеваете опасности и угрозы, то здесь я скажу твердо: ничего такого не было.

– Как знать, как знать. Память коварна и любит с нами играть. Так, следующий вопрос очень важен. Пьер уверял мистера Гудвина, что кто-то желает ему смерти, следовательно, на днях произошло нечто, заставившее его опасаться за свою жизнь. Когда он начал бояться? Вчера вечером? Нам сильно поможет, если мы это выясним. Как он вел себя вчера за ланчем? Как обычно или как-то иначе? Было ли что-либо непривычное в его поведении, в манере держаться?

– Да, сэр, было. Я как раз припомнил, когда вы спросили, не рассказывал ли он об угрозах. За ланчем он словно не слышал моих слов, да и сам говорил мало. Когда я спросил, может, он хочет остаться один, он извинился – дескать, напутал с заказами и принес не ту еду сразу нескольким клиентам. Это и вправду повод для расстройства. Пьер был очень гордым человеком. Он считал, что ошибки для официанта непозволительны, и хвастался, что сам никогда не ошибается. Уж не знаю, правда это или нет. Если интересно, Феликс, думаю, вам расскажет. Пьер часто болтал, что вы, когда заходите к нам, всегда просите позвать его. Он гордился своей работой.

– Он действительно перепутал заказы? Или нет?

– Не знаю, сэр, но он не стал бы такое придумывать, точно не стал бы. Спросите Феликса.

– Больше он не жаловался?

– Нет, сэр. А я, естественно, его не донимал.

– В субботу он тоже был сам не свой? Тоже держался отстраненно?

– Я не... – Филип нахмурился. – Нет, сэр, все было как обычно.

– Давайте поступим так: когда выпадет свободная минутка, сядьте, закройте глаза и постарайтесь вспомнить все, что он говорил вчера. Если постараетесь как следует, результат, смею думать, удивит вас самого. Людям свойственно заблуждаться насчет памяти. Вы готовы выполнить мою просьбу?

– Да, сэр, но не прямо сейчас. Попозже, если не возражаете.

– Ладно. Когда сделаете, свяжитесь со мной или с мистером Гудвином.

– Конечно, сэр.

– Отлично. Будем ждать от вас весточки. – Вулф наклонил голову. – Теперь другой важный вопрос. Если Пьера убил кто-то из людей, работающих здесь, кто бы это мог быть? У кого имелись причины желать ему гибели? Кто-то его опасался, ненавидел или мог извлечь выгоду из его смерти?

Филип замотал головой:

– Никто, сэр. Никто здесь, и никто в целом свете.

– Пф! Откуда вам это знать? Кто-то же его убил, значит недоброжелатели у Пьера были.

Филип продолжал упрямо мотать головой:

– Да, сэр. То есть нет, сэр. Лично я в это не верю, сэр. Так сразу и подумал, когда услышал в новостях. Кто мог его убить? Зачем кому-то убивать Пьера? Он и мухи ведь не обидел, сэр, только не он! Его все любили, никто его не боялся – за что бояться-то? Отличный парень, честный и порядочный. Не идеальный, кто же спорит. У него был один порок – ставил слишком много на скачках, но он знал за собой этот грешок и пытался исправиться. Он не любил говорить об этом, но иногда его прорывало... Я был его лучшим другом, и у меня он никогда не одалживал.

– А у других одалживал?

– Не думаю, сэр. Он бы не стал, мне так кажется. Нет, я уверен, что чужих денег он не брал. Будь иначе, пошли бы всякие сплетни. Но уточните у Феликса.

Судя по всему, Филип искренне считал, что Феликс знает обо всем.

– Он ставил помногу?

– Честно сказать, не знаю. Я же говорю, он не особо откровенничал. Однажды признался, что выиграл двести тридцать долларов, а в другой раз – сотню с хвостиком, не помню точно, сколько именно. Но вот о проигрышах никогда не рассказывал.

– Как он делал ставки? Через букмекеров?

– Наверное, сэр, но точно сказать не могу. А еще через ПТ. Он как-то похвалился, что ставит через ПТ.

– Что такое ПТ?

– Подпольный тотализатор, сэр. Не на ипподроме.

Вулф покосился на меня, и я кивнул. Ну да, откуда Вулфу об этом знать, даже если он и читает газеты?

– Филип, вы наверняка встречались с Пьером не только здесь, в ресторане, но и в других местах. Скажите, вы бывали у него дома?

– Неоднократно, сэр. Он жил в квартире на Западной Пятьдесят четвертой улице.

– С женой?

– Она умерла восемь лет назад, сэр. Он жил с дочерью и со своим отцом. Тот раньше владел маленьким бистро в Париже, но в семьдесят лет все продал и приехал сюда, поселился у Пьера. Сейчас ему почти восемьдесят.

Вулф прикрыл глаза, снова открыл, поглядел на меня, посмотрел на стену, но часов не увидел. Зажал между большими и указательными пальцами обеих рук полы жилета, потянул их вниз... Сам он за собой эту привычку не замечал, а я ему не говорил, хотя давно усвоил, что этот жест – верный знак того, что в желудке у него пусто.

Вулф вновь взглянул на меня:

– Есть вопросы? Насчет ставок?

– Есть один, но не по поводу ставок. – Я уставился на Филипа. – Какой номер дома по Пятьдесят четвертой улице?

Филип кивнул:

– Дом триста восемнадцать. Между Девятой и Десятой авеню.

– Возможно, у нас появятся новые вопросы, – предупредил Вулф, – но на сегодня мы закончили. Благодарю вас, Филип, за подробные ответы. Вы здесь задержитесь?

– Конечно, сэр. Моя смена – до десяти.

– Если что, мистер Гудвин вас навестит. Скажите Феликсу, что можно подавать. Он знает, что нести.

– Скажу, сэр. – Филип встал. – Буду признателен, если потом расскажете, кто виноват. – Он посмотрел на меня, потом на Вулфа. – Мне надо знать. Во всех подробностях.

Так-так. Похоже, наш повар вдруг возомнил себя инспектором Кремером.

– Мне тоже, – отозвался Вулф, обойдясь без отповеди. – Итак, скажите Феликсу, что мы ждем.

Филип удалился, кстати не сказав напоследок «Конечно, сэр»; и я произнес:

– Вопрос простой: вы или я? Он, похоже, думает, что я.

Всякий раз, посещая ресторан «Рустерман», Вулф попадает в малоприятное положение. С одной стороны, Фриц – лучший, безусловно, повар на свете; с другой – уважение к памяти Марко Вукчича попросту не позволяет хулить еду, подаваемую в этом ресторане. Поэтому Вулф передоверил эту обязанность мне. Когда приблизительно треть порции запеченных морских гребешков исчезла с тарелки, он посмотрел на меня и спросил:

– Ну?

– Сойдет, – ответил я. – Может, мускатного ореха многовато, но это дело вкуса. Да и лимонный сок, подозреваю, из бутылки, а не свежавыжатый. Крокеты почти идеальные, но их принесли горкой, а Фриц подает по три зараз – две вам, одну мне. Тут уж ничего не поделаешь.

– Зря я тебя спросил, – проворчал Вулф. – Вечно ты несешь всякий вздор! Твое небо не в состоянии различить лимонный сок в приготовленном блюде.

Разумеется, он был раздражен. За едой говорить о делах категорически возбранялось, но, поскольку у нас не было ни клиента, ни обещанного гонорара, все в итоге ограничивалось семейным кругом, так что о деле речи не шло, и это Вулфа изрядно смущало. Вдобавок прислуживал другой официант, не Пьер, которого мы никогда больше не увидим. Это оказался то ли венгр, то ли поляк по имени Эрнест, и у него обнаружилась склонность подавать блюда, наклоня поднос, так что еда чуть не падала на пол. Тем не менее Вулф съел все, включая миндальное парфе по моему совету, и выпил две чашки кофе. Что касается беседы за едой, тема нашлась сама собой – Уотергейт⁴. Думаю, Вулф знал об этом скандале намного больше любого американца; к примеру, он помнил даже имена старшего поколения в семействе Холдемана⁵.

Вулф намеревался снова потолковать с Феликсом, но, когда мы отодвинули стулья и поднялись, вдруг спросил:

– Можешь подогнать машину к боковому входу?

– Прямо сейчас?

– Да. Мы съездим к отцу Пьера.

– Мы? – недоверчиво переспросил я.

– Верно. Если ты доставишь его к нам, разговор наверняка прервут. Мистер Кремер и окружной прокурор не смогли нас отыскать, значит они позаботились получить ордер.

– Я могу привезти отца Пьера сюда.

– Ему почти восемьдесят. Не исключено, что он не встает с постели. К тому же дома может быть и дочь Пьера.

⁴ *Уотергейт*, или *Уотергейтский скандал*, – политический скандал в США (1972–1974), вызванный попыткой сотрудников администрации президента-республиканца Р. Никсона установить подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии. По итогам скандала президент Никсон подал в отставку.

⁵ *Гарри Р. Холдман* – американский политик и бизнесмен, начальник выборного штаба президента Р. Никсона; был непосредственно причастен к Уотергейтскому скандалу; по решению суда обвинен в лжесвидетельстве, заговоре и препятствовании правосудию, получил 18 лет тюрьмы.

– Парковаться в районе Пятидесятих улиц – то еще развлечение. А на каком этаже квартира? Как вам три или четыре лестничных пролета без лифта?

– На месте разберемся. Ты подгонишь машину или нет?

Я сказал, что уже бегу, и прихватил заодно его пальто и шляпу. Ну да, лишнее доказательство того, что дело у нас семейное. Ради обычного клиента, не важно, насколько все срочно и насколько велик гонорар, Вулф никогда бы не согласился на подобное. Мы договорились, что он спустится на служебном лифте, а я воспользовался основным – надо было сообщить Отто, куда прислать машину.

На Западных Пятидесятих можно встретить что угодно, от клуба «21» до мрачных закоулков, домов без лифта и унылых складов, но я знал, что квартал на Пятьдесят четвертой улице состоит почти сплошь из старых особняков и что поблизости от Десятой авеню есть парковка. Когда мы отправились в путь, я предложил вернуться в гараж, оставить там «херон» – машина принадлежит Вулфу, а вожу я – и взять такси, но Вулф готов доверить свою жизнь только мне за рулем, поэтому мое предложение отверг. В общем, я добрался до Десятой авеню, свернул к центру и даже нашел место на парковке. Всего-то пройти один длинный квартал до цели.

Дом под номером триста восемнадцать выглядел довольно пристойно. Кое-какие старые особняки на этой улице перестроили изнутри, а в доме, куда мы зашли, подъезд был отделан деревянными панелями и мог похвастаться домофоном. Я нажал на четвертую кнопку снизу с фамилией «Дюко» и поднес к уху трубку. Минуту спустя женский голос спросил:

– Кто есть там?

Если это дочь Пьера, то ей, пожалуй, стоило бы поучиться хорошим манерам; с другой стороны, ее наверняка с утра изводят полицейские и журналисты. На часах было десять минут четвертого.

– Ниро Вулф, – ответил я. – По буквам – В-У-Л-Ф. К мистеру Дюко. Возможно, он вспомнит. И еще Гудвин. Арчи Гудвин. Мы знали Пьера много лет.

– Parlez-vous français?⁶ – уточнил женский голос.

Вопрос я понял, на это моих познаний хватило.

– Мистер Вулф говорит. Погодите. – Я повернулся к Вулфу. – Спрашивают, парле мы по-французски или нет. Вот.

Он взял трубку, а я пододвинулся, освобождая ему место. Вулфу не пришлось наклоняться так же сильно, как мне, чтобы удобно было разговаривать. Раз уж его слова звучали для моего слуха как полная белиберда, я потратил пару минут, воображая, как детектив из отдела расследования убийств приходит сюда, нажимает на кнопку и выслушивает тот же вопрос. Хорошо бы это был лейтенант Роуклифф. А с ним парочка знакомых мне журналистов, в особенности Билл Венгерт из «Таймс». Когда Вулф наконец повесил трубку, я потянулся к внутренней двери; замок щелкнул, и мы прошли дальше. Нас поджидал лифт без лифтера, с распахнутой настежь дверцей.

Если вы говорите по-французски и желаете получить дословный отчет о беседе Вулфа с отцом Пьера, Леоном Дюко, мне придется вас разочаровать. О том, как идет сам разговор, я догадывался исключительно по тону и взглядам собеседников. Поэтому изложу то, что видел своими глазами. У двери в квартиру нас встретила женщина, которая точно не была дочерью Пьера. Этой даме явно перевалило за пятьдесят, если не за шестьдесят. Невысокая, полная, с круглым лицом и двойным подбородком, она щеголяла в коротком белом переднике и маленькой белой шапочке поверх седых волос. Возможно, она говорила по-английски, хотя бы чуть-чуть, но по ее виду в этом возникали сомнения. Она приняла у Вулфа пальто и шляпу и проводила нас в гостиную. Леон Дюко сидел у окна в кресле-каталке. Точнее всего описать его как человека, который с годами заметно ссохся, но все еще выглядел крепким. Весил он, должно

⁶ Вы говорите по-французски? (фр.)

быть, фунтов на тридцать меньше, чем в свои пятьдесят, однако дряхлости в его облике не просматривалось, а когда я пожимал протянутую мне руку, то ощутил сильную хватку. За те час и двадцать минут, которые мы пробыли в квартире, он не произнес ни единого понятного мне слова. Быть может, он вовсе не знал английского, вот почему служанка интересовалась, говорим ли мы по-французски.

Спустя двадцать минут или даже чуть меньше по тону Леона и его жестам стало понятно, что кровопролития не предвидится, так что я встал с кресла, огляделся и направился в кабинет со стеклянной дверью и полками у дальней стены. В основном на этих полках стояли разные безделушки, поделки из слоновой кости и фарфора, а также нашлись морские раковины и выточенное из дерева яблоко; на одной полке обнаружилась коллекция надписанных трофеев – серебряные кубки, медаль, похожая на золотую, и несколько наградных лент. Единственные слова надписей, которые мне удалось разобрать, складывались в имя Леон Дюко. По всей видимости, парижское бистро Леона пользовалось успехом и люди ценили его труд. Я обвел помещение взглядом, как положено детективу. Это всегда следует делать в доме человека, которого совсем недавно убили. Как обычно, никаких подсказок. Фотография в рамке на столе... Полагаю, это мать Пьера.

У дверей в гостиную появилась служанка в белом переднике, сказала что-то Дюко, и он покачал головой. Женщина повернулась, чтобы уйти, но я попросил разрешения воспользоваться уборной. Она махнула рукой вдоль коридора, и я направился туда, просто чтобы себя занять, а на обратном пути заметил открытую дверь и не преминул в нее заглянуть. Хорошему сыщику, как известно, приглашение не требуется. Самой дочери Пьера не было видно, но признаков ее присутствия было множество. Здесь буквально все кричало о ней, и громче всего – книжный шкаф у стены. Я разглядел несколько романов и научно-популярных книг в твердом переплете – отдельные названия были мне знакомы, – а также книги в мягкой обложке с французскими названиями, но любопытнее остальных оказалась средняя полка. Там стояли книги Бетти Фридан, Кейт Миллетт, еще каких-то писательниц, о которых я слышал краем уха, и три книги Симоны де Бовуар⁷ на французском. Конечно, разрозненно такие книжки можно встретить у кого угодно, но тут их была целая библиотека. Я взял одну книгу наугад, раскрыл. На титульном листе чернилами было выведено имя «Люсиль Дюко». На второй книге тоже. Я потянулся за третьей, когда у меня из-за спины спросили:

– Что вы есть делать?

Служанка в белом переднике.

– Так, время трачу. В разговор не вмешаться, я ни слова не понимаю, а эти книги я заметил, когда шел по коридору. Они ваши?

– Нет. Она не хочет мужчина здесь, чтобы мужчина трогать ее книги.

Думаю, вы уже все оценили, и в дальнейшем я не стану передавать акцент служанки.

– Прошу прощения. Пожалуйста, не говорите ей, хотя отпечатки пальцев все равно останутся. Больше я ничего не трогал.

– Как, вы сказали, вас зовут? Арчи Гудвин?

– Именно.

– Я слышала о вас от него. И по радио с утра. Вы детектив. Полицейский спрашивал, приходили вы к нам или нет. Он дал мне номер, чтобы сообщить.

– Еще бы! Вы ему позвонили?

– Пока нет. Надо спросить мсье Дюко. – Слово «мсье» она выговорила так, что я попросту не отважусь воспроизвести эти звуки на бумаге.

⁷ *Бетти Фридан* – американская феминистка, одна из лидеров женского движения в США. *Кейт Миллетт* – американская писательница и общественный деятель, ведущая представительница второй волны феминизма (1960–1980-е). *Симона де Бовуар* – французская писательница, идеолог феминистского движения.

Служанка, очевидно, не собиралась оставлять меня в одиночестве, поэтому я протиснулся мимо нее в коридор и вернулся в гостиную. Вулф продолжал беседовать с хозяином, если можно так назвать эту трескотню, а я подошел к окну и стал смотреть на улицу.

Было четверть пятого, когда мы снова сидели в «хероне» и выезжали с парковки. На Девятую авеню и дальше. Вулф соизволил сообщить, что Дюко сказал ему кое-что важное, но обсудим дома, после чего замолчал. Он не говорит о делах на ходу или в машине. В гараже Том поведал, что еще до полудня заглядывал какой-то коп, проверял, на месте ли машина, – а где ей быть, спрашивается? – ближе к четырем явился другой и стал интересоваться, куда это я укатил. От гаража следовало свернуть за угол и пройти полквартала по Тридцать пятой улице до нашего дома. Для Вулфа это означало лишнюю порцию физической нагрузки, но я знал, почему он так поступил. Подвези я его ко входу и отгони потом машину в гараж, за время моего отсутствия на нашем крыльце вполне мог нарисоваться какой-нибудь соглядатай.

По счастью, крыльцо пустовало. Мы поднялись на семь ступенек, я нажал на кнопку звонка, Фриц рассмотрел нас сквозь одностороннее стекло входной двери, откинул цепочку и распахнул дверь. Мы вошли внутрь. Когда я вешал его пальто, Вулф спросил Фрица:

– Тот человек приходил?

– Так точно, сэр. Их было двое. Они наверху. Приходили еще пятеро, не считая этих двоих. Телефон звонил девять раз. Вы не сказали, вернетесь ли к обеду, поэтому я не стал фаршировать каплуна, так что придется немного подождать. Сейчас-то почти пять.

– Могло быть и позже. Будь добр, принеси пива. Арчи, как насчет молока?

Я отказался, попросил себе джин с тоником, и мы двинулись в кабинет. Почта лежала под пресс-папье на столе Вулфа, но он, уместив свои телеса в кресле, сделанном по особому заказу, попросту смахнул ее в сторону, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я ждал. Хотелось, конечно, надеяться, что и губы его начнут шевелиться, но этого не случилось. Он сидел с закрытыми глазами. Прождав минуты четыре, если не пять, я произнес:

– Не хочу мешать, но, быть может, вам будет полезно узнать, что дочь Пьера – ее зовут Люсиль – состоит в женском движении. Причем, насколько я понимаю, вполне деятельно. Она...

Вулф открыл глаза:

– Я отдыхаю, Арчи. Вдобавок тебе прекрасно известно, что я не терплю вульгарных обозначений.

– Ладно, пусть будет движение женщин за свои права. У нее на полке три книги Симоны де Бовуар на французском. Вы сами признавали, помнится, что она писать умеет. Да и весь шкаф забит книжками тех, о ком даже я слышал. Кое-кого из них вы читать начинали, но бросили. Кроме того, она запрещает мужчинам заходить в ее комнату. Я все это говорю, потому что кто-то должен что-то сказать, а вы желанием явно не горите.

Тут вошел Фриц с подносом. Лично мне неприятно брать что-либо с подноса, который он держит в руках, потому я, когда он остановился у стола Вулфа, пошел налить себе джина с тоником. Вулф между тем достал из ящика стола золотую открывашку, налил себе пива и изрек:

– Мисс Дюко скармливает сведения компьютеру в Нью-Йоркском университете. Домой она обычно возвращается около половины шестого. Повидайся с ней.

– А если она откажется говорить с мужчиной? – Я плюхнулся в свое кресло и мысленно поздравил себя с тем, что сумел втянуть Вулфа в разговор.

– Об отце она будет говорить с кем угодно, – фыркнул Вулф. – Она была привязана к нему, хотя и пыталась с этим бороться. Мистер Дюко – человек наблюдательный и четко мыслящий, так мне показалось. Пьер заявил тебе, что я, мол, величайший детектив на свете. Своему отцу он говорил, что я величайший на свете гурман. Именно поэтому отец Пьера ничего не сказал полиции – и ничего не скажет впредь, зато готов рассказать мне. Причем это он сооб-

щил, только когда стало ясно, что я бегло говорю по-французски. Чушь полнейшая, конечно же, но что поделаешь... В основном его история не имеет отношения к нашему делу, и я не стану ее пересказывать. Хотя, если ты настаиваешь...

Это звучало лучше, чем было на самом деле. Да, я обыкновенно докладывал ему подробно, едва ли не дословно, однако он предлагал мне нечто совершенно иное. На случай, если и когда ему удастся выявить убийцу Пьера раньше, чем мне, он не хотел, чтобы я кричал на всех углах, будто это случилось только потому, что он потолковал с отцом убитого по-французски.

Внутренне я ухмыльнулся, но внешне сохранил почтительность.

– Может, позже, спешки никакой нет. А что-нибудь существенное он вам рассказал?

– Возможно. Он осведомлен о пристрастии Пьера к ставкам на скачках, более того, часто обсуждал с сыном это пристрастие. По его словам, Пьер никогда не просил у него денег, но, думаю, он солгал. Не только в этом отношении, кое в чем еще он не был со мною откровенен, но это все мелочи. Полагаю, кстати, что тебе будет полезно чуть позже выслушать подробный отчет. Сейчас я упоминаю об этом лишь потому, что как раз в разгар одного спора о ставках Пьер сообщил отцу, что какой-то человек дал ему сто долларов. Утром в прошлую среду, шесть дней назад, Пьер сказал отцу, что на предыдущей неделе – по мнению мистера Дюко, все случилось в пятницу, но в дате он не уверен – на подносе вместе с оплатой за еду нашлась некая записка, а сам посетитель, которому он хотел вернуть эту бумажку, бесследно исчез. А во вторник, за день до его разговора с отцом, некий человек вручил ему сто долларов за эту бумажку.

Вулф повернул руку ладонью вверх.

– Это все. Сто долларов за бумажку? Даже при нынешней безумной инфляции это кажется экстравагантным. Да, еще кое-что. Человек, который дал Пьеру сто долларов, и тот, кто оставил бумажку на подносе, – это не одно и то же лицо. Конечно, я попытался извлечь из памяти отца Пьера точные слова его сына. Думаю, в этом я преуспел. Во всяком случае, за важные слова мистер Дюко ручается. Он уверен, что его сын не повторял слова «rendre», то есть «возвращать», «вернуть». Если бы он действительно вернул эту бумажку забывчивому посетителю, мы обсуждали бы чрезмерно щедрую благодарность, но если деньги дал другой человек, то вырисовываются совсем иные возможности.

– Ну да, сразу десяток, – кивнул я. – А если это был тот же самый клиент, почему Пьер прождал четыре дня, прежде чем вернуть записку? Или почему просто не передал ее Феликсу и не попросил отослать почтой? Занятно. Это все?

– Да. Разумеется, что-то другое в истории мистера Дюко может тоже пригодиться впоследствии, но я пересказал тебе наиболее важную, как мне представляется, часть. – Вулф повернул голову к двери. – Почти два часа до обеда. Не съездить ли тебе сейчас к Дюко?

– Не уверен, что это разумно. Да, Феликс и официанты могут что-то знать, но Филип, по-моему, наш лучший вариант, а он точно занят на кухне, с соусами возится. Вдобавок я спал всего четыре часа и не...

В дверь позвонили. Я выглянул в прихожую, присмотрелся к силуэту на крыльце и коротко доложил:

– Кремер.

Вулф хмыкнул:

– Помяни дьявола... Он что, в засаде нас поджидал?

– Вряд ли сам. Скорее оставил кого-нибудь наблюдать, и ему позвонили.

– Тогда тебе придется остаться.

Он редко тратит силы на то, чтобы изречь подобную прописную истину, но в этом случае дал себе труд. Я вышел в прихожую, отодвинул засов и распахнул дверь.

Инспектор Кремер из убойного отдела Южного Манхэттена имел обыкновение звать меня Арчи. Но он также имел обыкновение притворяться, будто не помнит моего имени. Не

исключено, что на сей раз он и вправду его забыл. Он прошел мимо меня в кабинет, а когда и я появился там, уже вещал:

– ...Каждую чертову минуту с тех самых пор, как вы проснулись. Вы и Гудвин, во всех подробностях. Потом подпишите показания.

Вулф, откинувшись на спинку кресла, качал головой:

– Пф!

– Прекратите пфыкать! Как вы...

– Замолчите!

Кремер выпучил глаза. Он сотню раз слышал, как Вулф приказывает заткнуться другим людям, а я и подавно, причем и в свой адрес, но сам инспектор такой чести раньше не удоставлялся. Он явно не верил собственным ушам.

– Не стану приглашать вас сесть, – произнес Вулф, – или снять пальто и шляпу, потому что мне нечего вам сообщить. Нет, лучше скажу иначе. Официально заявляю, что не знаю ровным счетом ничего о смерти Пьера Дюко, за исключением услышанного от мистера Гудвина, а он уже сообщил сержанту Стеббинсу все, что позднее изложил мне. Кроме этого, мне совершенно нечего вам сказать. Разумеется, мне пришлось впустить в дом ваших специалистов, которые обследовали помещение, и я оставил на этот счет соответствующие распоряжения. Они до сих пор наверху. Если нас задержат как важных свидетелей, будь то по вашему приказу или по приказу окружного прокурора, мы будем хранить молчание. Если нас отпустят под залог, мы продолжим молчать. Я намерен выяснить, кто убил этого человека в моем доме. Сомневаюсь, что вы меня в этом опередите, и надеюсь, что у вас ничего не выйдет, что вам придется дожидаться новостей от меня. – Вулф устремил в сторону инспектора вытянутый палец – ничего подобного ранее тоже не случалось. – Если вам кажется, что я веду себя невежливо, извиняться я не стану. Я в бешенстве и не владею собой. Пришли вы с ордером или без ордера, собираетесь нас арестовать и забрать или нет – давайте покончим с этим прямо сейчас. У меня много дел.

Он вытянул вперед обе руки, сведя запястья, как бы подставляя под наручники. Красота! Я бы и сам, пожалуй, поступил так же, вот только, боюсь, со стороны это будет смотреться чересчур вызывающе.

Если Кремер и носил в кармане наручники, вряд ли он когда-либо ими пользовался, судя по выражению его крупного побагровевшего лица. Он хорошо знал Вулфа, и что ему было делать? Инспектор раскрыл было рот, снова стиснул губы, посмотрел на меня, опять уставился на Вулфа.

– Не владеете собой, говорите? – прорычал он. – Чушь собачья! Чтобы вы да не владели собой!.. Одно я знаю наверняка: вы...

– Ой, инспектор! А мы вас и не ждали.

В дверь заглянули двое мужчин – один высокий и худой, второй плотный и коренастый, с одной-единственной рукой. Это я дал маху: мне следовало расслышать их шаги намного раньше, но я слишком увлекся, желая узнать, что еще нагородит Кремер. Когда инспектор обернулся к ним, они отдали честь, но он на приветствие не ответил.

– Долго возитесь! – укорил он.

– Извините, сэр, так вышло. Мы не знали, что вы придете. Мы...

– Я пришел узнать, почему вы так долго возитесь, черт подери! Вы... Нет, в машине все доложите. – Кремер шагнул к двери.

Специалисты посторонились, давая ему пройти, и последовали за инспектором. Я не спешил их провожать. Не маленькие, сами дверь откроют.

Когда дверь стукнула, я выглянул в прихожую, осмотрелся, вернулся и сказал:

– Повезло ему. Он бы не ушел без нас в противном случае. Надо бы намекнуть, пусть повысит парней в должности. Нам тоже повезло, между прочим, что вы вышли из себя.

– Грр! – прорычал Вулф. – Ну-ка сядь.

Глава 4

В десять вечера в тот же день я при свете лампы перелистывал страницы книги под названием «Les Saucés du Monde»⁸. Отыскать что-либо в каком-нибудь помещении не так уж и трудно, если вы ищете бриллиантовое ожерелье, слоновий бивень или пистолет. Но когда речь идет о банкноте в двадцать долларов или о чем-то другом, что можно найти между страницами книги, не срывая переплета, нужно немало времени, особенно когда книг в помещении хватает. На проверку библиотеки Конгресса уйдет, я считал, 2748 лет.

На книжных полках в комнате Пьера Дюко было сорок с лишним книг, и большинство из них оказалось кулинарными. Я искал совсем не обязательно клочок бумаги, но такой вариант выглядел наиболее вероятным, поскольку мне требовалось хоть что-то, способное привести либо к человеку, оставившему записку на подносе Пьера, либо к тому, кто позднее выложил за нее сто долларов. В ящике стола я, правда, наткнулся на записную книжку со списками имен на нескольких страницах, но, по словам Люсиль Дюко, это были имена клиентов, оставлявших щедрые чаевые. Она сказала, что Пьер плохо запоминал имена, поэтому добрых двадцать лет назад завел привычку их записывать.

В свою комнату она меня не пригласила. Когда я приехал и сообщил ее деду – она переводила, – что хочу осмотреть комнату Пьера для расследования, у меня сложилось впечатление, что Люсиль это не понравилось, но дед горячо одобрил, и она спорить не стала. Еще мне показалось, что она осталась со мной проследить, чтобы я ничего не стащил. Вообще впечатление от нее набралось достаточно, в том числе что ей все равно, две у меня ноги или четыре, где расположено мое лицо – спереди или сзади – и так далее. Но себя она явно ценила высоко. Ее личико, вполне привлекательное, надо отметить, выглядело ухоженным, как и чудесные каштановые волосы, а покрой светло-коричневого платья был самым что ни на есть правильным и привлекал мужское внимание. Как-то и не верилось, что она столько старалась лишь для того, чтобы покрасоваться перед зеркалом.

Люсиль сидела в кресле по другую сторону от лампы. Когда я проверил последнюю книгу и поставил ее обратно на полку, то повернулся к девушке и сказал:

– Полагаю, вы правы: если он что-то и прятал, то здесь, в этой комнате. Вы, случайно, не вспомнили ничего из сказанного им?

– Нет.

– А попытались хотя бы?

– Я сразу вам сказала, что это бесполезно, потому что он ничего мне не говорил.

Ее голос был, пожалуй, излишне гнусавым. Я окинул Люсиль взглядом. Ноги, прикрытые платьем немного выше колен, попросту отменные. Экая жалость! Ладно, попробуем иначе.

– Знаете, мисс Дюко, я старался быть вежливым и проявлять сострадание. Вправду старался. Но мне крайне интересно, почему вам совершенно плевать, кто убил вашего отца. Это как-то... неестественно, если угодно.

– Понимаю, – кивнула она. – Вы ждали, что я начну рыдать, кричать, строить из себя Медею. Брр! Я была хорошей дочерью своему отцу – достаточно хорошей, во всяком случае. Разумеется, я хочу знать, кто его убил, но сдастся мне, что вы ничего не добьетесь вашими методами, всеми этими поисками человека, который дал ему денег за клочок бумаги. А если и добьетесь, то вовсе не потому, что донимали меня просьбами вспомнить то, чего никогда не было.

– Ваши предложения? Как бы вы вели расследование?

⁸ «Соусы со всего мира» (фр.).

– Не знаю. Я же не великий сыщик, не Ниро Вулф. По вашим словам, отец погиб от бомбы, подложенной ему в карман. Кто подложил эту бомбу? Я бы попробовала разузнать, где он был вчера и с кем встречался. Перво-наперво.

Я дернул подбородком:

– Не спорю. А вам на пятки наступали бы несколько десятков копов из отдела убийств, занятых тем же самым. Если преступника можно отыскать вот так, они его найдут без какой-либо помощи Ниро Вулфа. Вчера ваш отец, в частности, встречался с вами. Я не задавал вопросов о ваших с ним отношениях и не собираюсь задавать, пусть копы спрашивают. Они опросят всех в вашем окружении. Вы, говорите, провели в офисе окружного прокурора пять часов, то есть успели понять, как там действуют. Им все известно о людях, убивающих собственных родителей. Также они должны были спросить, мог ли кто-то желать смерти вашему отцу. Что вы им ответили?

– Что таких людей не знаю.

– Но кто-то ведь хотел его убить – и убил.

Она криво усмехнулась. Люсиль мне не нравилась, признаю, но я ничуть не преувеличиваю: она именно усмехнулась и именно криво.

– Я так и знала, что вы это скажете. Копы тоже так сказали. Это очевидно и тупо до отвращения! Почему вы не допускаете, что его пальто могли принять за чужое?

– По-вашему, все случилось по ошибке?

– Я этого не говорила, но такой вариант не исключен.

– Ваш дед не рассказывал вам, что узнал от Ниро Вулфа о словах вашего отца, сказанных мне?

– Нет. Он ничего мне не говорит. Считает женщин безмозглыми. Вы вряд ли сильно от него отличаетесь.

Мне очень хотелось ответить, что я нахожу некоторых женщин, включая присутствующих, слегка трусливыми – они попросту боятся шевелить мозгами, – но сдержался.

– Ваш отец сказал мне, что некий мужчина хочет его убить. Полагаю, об ошибке рассуждать бессмысленно. Вы в преступлении, думаю, не замешаны, вы же не мужчина. Потому начнем сначала. По всей видимости, ваш отец не разделял взглядов вашего деда на женщин. Мистеру Вулфу ваш дед поведал, что отец частенько просил вашего совета. Вот почему я считаю, что он мог сообщить вам нечто важное о человеке, который дал ему сто долларов за клочок бумаги.

– Он никогда не просил у меня совета. Лишь хотел услышать, что я скажу.

Все, хватит! Меня так и подмывало спросить, в чем, по ее мнению, разница между просьбой о совете и желанием выслушать твою точку зрения. Интересно, как она обоснует. Однако к одиннадцати или чуть позже в наш с Вулфом кабинет должны пожаловать гости, и мне пришлось поторапливаться. Короче, я отказался от попыток растормошить Люсиль и быстренько завершил осмотр комнаты, отчетливо понимая, что Пьер не стал бы выламывать половицу или прицеплять что-либо к тыльной стороне картины. Люсиль приятно удивила меня напоследок своими манерами: вышла со мной в прихожую, открыла мне дверь и пожелала спокойной ночи. Судя по всему, старый мистер Дюко и служанка в белом переднике уже легли спать.

В десять минут двенадцатого я поднялся на крыльцо нашего старого особняка из бурого песчаника, обнаружил, что дверь не закрыта на цепочку и помощь мне не нужна, после чего прошел в кабинет. Вулфу следовало в это время либо погрузиться в книгу, либо разгадывать кроссворд, однако он меня удивил. В одном из ящиков своего письменного стола я держу карты всех пяти боро Нью-Йорка, и сейчас Вулф их достал и расстелил на своем столе, прямо поверх кучи хлама, карту Манхэттена. На моей памяти он впервые удостоил эту карту хоть скольконибудь пристального взгляда. Несложно заподозрить, будто я знал, что конкретно он разыскивает, но подозрение оказалось бы ошибочным: я давным-давно выяснил, что гадать, о чем

размышляет гений, – пустая трата времени. Если он набрел на что-то конкретное, в чем лично я сомневаюсь, рано или поздно сам скажет. Я развернул кресло и уселся лицом к Вулфу, а он между тем начал складывать карту ловкими и уверенными, как обычно, движениями. Еще бы, с такой-то постоянной практикой в оранжерее, где он пропадает с девяти до одиннадцати утра и с четырех до шести днем! Кстати, сегодня он вообще в оранжерее не был...

Сложив карту, Вулф произнес:

– Я замерял расстояния – ресторан, дом Пьера и наш дом. Он прибыл сюда без десяти час. Где он был раньше? Где побывало его пальто?

– Придется мне, похоже, извиняться перед его дочерью, – заметил я. – Я уверял ее, что для таких расследований ваша помощь не понадобится. Что, настолько все плохо?

– Нет. Как тебе известно, я предпочитаю воздерживаться от чтения, зная, что меня могут прервать. Что она тебе сказала?

– Ничего полезного. Возможно, ей вообще нечего сказать, но я в это не верю. Она просидела со мной целый час, приглядывая, как я роюсь в вещах Пьера. Видно, следила, чтобы я не позаимствовал пару носков. Думаю, она – это аномалия. Или...

– Невозможно. Человек не может быть аномалией.

– Ладно. Тогда она притворщица. Женщина с кучей книг, на каждой из которых написала свое имя, жаждет заставить мужчин прекратить превращать женщин в секс-символы. Если бы она действительно того хотела, то не стала бы умачивать кожу, укладывать волосы и тратить заработанные трудом и потом деньги на платье, облегчающее фигуру. И ноги бы прятала. Короче, она притворяется. Пьер говорил, что его преследует мужчина, потому я готов допустить, что она не подкладывала бомбу в отцовское пальто, но спорю на что угодно: он рассказывал ей об этом клочке бумаги, может, даже показывал, а она знает, кто его убил, и намерена этого кого-то крепко прижать. В результате ее прикончат, а нам придется расследовать и ее смерть. Предлагаю за ней проследить. Если на меня у вас иные планы, привлечите Фреда, или Орри, или Сола, в конце-то концов. Вам нужен дословный пересказ?

– Польза от этого будет?

– Нет.

– Тогда излагай суть своими словами.

Я скрестил ноги:

– Сначала она переводила для деда, когда я просил разрешения осмотреть комнату Пьера и на прочие действия, которые вы одобрили. Конечно, могла приврать, как проследишь за переводчиком? Потом пошла со мной...

В дверь позвонили; пришлось прерываться и идти открывать. Мы ждали Филипа к одиннадцати, а Феликса чуть позже, но они пришли вдвоем. Судя по выражениям лиц, между ними случился разлад. Они говорили со мной по отдельности, когда я впускал их и принимал от них пальто, но друг с другом подчеркнута не общались. В кабинете они расселись после заметного – на целых полдюйма! – кивка Вулфа – Феликс, конечно, в красном кожаном кресле, поблизости от торца стола Вулфа. Филип сидел неестественно прямо, губы плотно сжаты, смуглое квадратное лицо как неживое, а Феликс скорее не сел, а примостил седалище на краешек кресла и брякнул:

– Я задержал Филипа, мистер Вулф, потому что он солгал мне. Как вы знаете, я...

– Прошу прощения. – Наверное, Феликсу нередко доводилось слышать этот тон, когда Вулф попечительствовал над рестораном. – Вы взволнованы. Понимаю, день выдался тяжелый, но и у меня он был не легче. Я буду пиво. Как насчет бренди?

– Нет, сэр, спасибо. Я воздержусь.

– Филип?

Тот покачал головой. Я обогнул его кресло по пути на кухню. Когда я вернулся, Феликс уже полноценно сидел и рассказывал:

– ...восемь человек. Они приходили и уходили, днем и вечером. Я записал их фамилии. Самый скверный день с того времени, как скончался мистер Вукчич! Первые двое явились под самый конец ланча, к трем часам, и поток не иссякал вплоть до окончания обеда. Просто ужасно, сэр, просто ужасно! Допрашивали всех, даже посудомойку. Больше всего их заинтересовала наша мусорная. Помните, мистер Вукчич так называл раздевалку, и мы продолжаем ее так называть. Это комната, где сотрудники-мужчины переодеваются для работы. Они заводили нас туда по отдельности и спрашивали о пальто Пьера. А что не так с его пальто, сэр?

– Спросите у полиции. – Пена в бокале достигла нужного уровня, и Вулф сделал первый глоток. – Боюсь, это меня вы должны благодарить за свой тяжелый денек. Пьер был убит здесь, в моем доме. Без этого обстоятельства расследование шло бы рутинным образом. Они никого не задержали?

– Нет, сэр. Я было решил, что один из них хочет арестовать меня. Он сказал, что знает, будто вас с Пьером связывали особые отношения – и мистера Гудвина тоже, – и добавил, что мне об этом наверняка было известно. Велел сходить за пальто и шляпой, но потом вдруг передумал. Этот человек...

– Его фамилия Роуклифф.

– Верно, сэр. – Феликс часто закивал. – Недаром говорят, что вы все про всех знаете. Мистер Вукчич говорил мне, что, по-вашему, так оно и есть. Этот офицер вел себя так же и с Филипом, которого я назвал лучшим другом Пьера. – Он искоса посмотрел на Филипа и снова повернулся к Вулфу. – А Филип ему, возможно, солгал. Мне он точно врал, сэр. Помните, как мистер Вукчич увольнял Ноэля? Он тогда сказал, что выгоняет его не потому, что тот украл гуся, с кем не бывает, а потому, что тот солгал. Мол, ресторан будет на хорошем счету, даже начни сотрудники порой приворовывать, но не тогда, когда они врут хозяину, ведь он должен знать, что происходит на самом деле. Я накрепко запомнил эти слова и не разрешаю работникам меня обманывать. Они это знают. В общем, когда последний полицейский ушел, я позвал Филипа наверх и потребовал рассказать все о Пьере, а он мне соврал! Я научился определять, когда мне лгут, сэр. Конечно, до мистера Вукчича мне далеко, но я почти всегда угадываю правильно. Вы только поглядите на него!

Мы послушались. Филип мрачно встретил наши взгляды и разомкнул губы:

– Я признался, что соврал. Признался!

– Ничего подобного! Снова вранье!

Филип умоляюще уставился на Вулфа:

– Я сказал, что кое-что опустил, так как не могу точно вспомнить. Это разве не признание, мистер Вулф?

– Любопытное замечание, – согласился Вулф. – Оно заслуживает рассмотрения, которое, полагаю, мы пока отложим. Значит, вы не упомянули о каких-то словах или делах Пьера?

– Да, сэр. Я никак не могу вспомнить в точности.

Вулф хмыкнул:

– Днем я просил вас вспомнить все, что он говорил вчера, и вы заявили, что попробуете, но не в ресторане. А теперь признаете, что было что-то, чего вы не можете толком вспомнить?

– Немного не так, мистер Вулф. Это не его вчерашние слова.

– Ерунда! Вздор! Что вы все юлите?! Хотите, чтобы я пришел к выводу, что это вы убили Пьера? Вы желаете изобличить преступника или нет? Готовы оказать мне помощь в его поимке или нет? Вы уверяли, что заплакали, когда узнали о гибели Пьера. Вправду заплакали?

Филип снова плотно стиснул губы и зажмурился. Медленно качнул головой из стороны в сторону, несколько раз подряд. Открыл глаза, поглядел на Феликса, потом на меня, после чего перевел взгляд на Вулфа:

– Позвольте поговорить с вами наедине, мистер Вулф.

Вулф повернулся к Феликсу:

– В гостиную, Феликс. Вам известно, что стены там звукопроницаемые.

– Но я хочу...

– Проклятье! Уже за полночь! Я расскажу вам позже, если сочту нужным. А он точно промолчит в вашем присутствии. Давайте, я устал не меньше вашего.

Я поднялся, открыл дверь в гостиную, и Феликс вышел. Я выглянул наружу, убедился, что дверь в прихожую закрыта, притворил дверь в гостиную и вернулся на свое место.

– Наедине, мистер Вулф, – повторил Филип, когда я садился. – Только вы и я.

– Нет. Если мистер Гудвин выйдет, а ваши слова потребуют от меня каких-то действий, мне придется пересказывать ему вашу историю.

– Тогда я вынужден просить вас обоих ничего не рассказывать Феликсу. Пьер был гордым человеком, мистер Вулф, я вам уже говорил. Он гордился своей работой и хотел быть не просто хорошим, а лучшим в мире официантом. Он хотел, чтобы мистер Вукчич считал его лучшим официантом лучшего на свете ресторана. А потом захотел, чтобы и Феликс так думал. Быть может, Феликс и в самом деле так думает. Вот почему нельзя ему ничего рассказывать. Он не должен знать, что Пьер совершил поступок, который совсем не красит хорошего официанта.

– Мы не можем этого пообещать. Мы готовы лишь молчать до тех пор, пока не выяснится, что невозможно разоблачить убийцу и его поймать, не раскрыв Феликсу правду. Это я вам обещаю, Филип. Арчи?

– Так точно, сэр – ответил я. – Обещаю. Ей-богу, провалиться мне на этом месте! Это такое выражение, Филип, вы вряд ли его слышали. Оно означает, что я скорее умру, чем кому-либо расскажу.

– Вы раньше упомянули, что он жаловался на перепутанные заказы, значит дело не в этом, верно? – уточнил Вулф.

– Нет, сэр. Заказы он перепутал вчера. А другое... намного хуже... было на прошлой неделе. В прошлый понедельник, точнее. Пьер сказал, что какой-то мужчина оставил на подносе заодно с деньгами клочок бумаги. Он сохранил этот клочок, на котором было что-то написано. Сохранил, потому что клиент ушел, прежде чем Пьер успел вернуть ему бумажку, а Феликсу не отдал, потому что на этой бумажке были имя и адрес. Пьер узнал это имя и заинтересовался. Он добавил, что бумажка до сих пор у него. Когда вы сегодня беседовали со мной, когда сказали, что он полагал, будто его хотят убить, я сразу подумал, а нет ли тут какой-то связи с той бумажкой. Быть может, убийца – тот самый человек, чье имя написано на бумажке... Ведь человек, ее оставивший, не мог сотворить ничего дурного, – он умер.

– Умер?

– Верно, сэр.

– Откуда вы знаете, что он умер?

– По радио говорили, в газетах писали. Пьер сказал, что это мистер Бассетт оставил бумажку на подносе. Мы все знали мистера Бассетта, он всегда платил наличными и был щедр на чаевые. Очень щедр. Однажды он дал Феликсу банкноту в пятьсот долларов.

Согласен, я должен был это слышать, раз уж мне выпало вести записи, но признаю, что слушал я не слишком внимательно. Миллионы людей узнали о существовании Харви Г. Бассетта, президента компании «НАТЕЛЕК» («Нэшнл электроник индастриз»), не потому, что он не скупился на чаевые, а потому, что его убили всего четыре дня назад, вечером в пятницу.

Вулф не моргнул и глазом, правда, слотнул и прокашлялся.

– Да, это точно не мог быть мистер Бассетт, – подтвердил он. – Но вот человек, чье имя значилось на бумажке... Как его звали? Пьер должен был вам ее показать...

– Нет, сэр, не показывал.

– Но имя-то наверняка называл. Вы сами заявили, что он узнал это имя и заинтересовался. Следовательно, он должен был поделиться с вами именем. А вы сейчас скажете мне.

– Не могу, сэр, простите. Я не помню.

Вулф повернулся в мою сторону:

– Арчи, скажи Феликсу, что он может идти домой. Не исключено, что Филип задержится у нас на всю ночь.

Я поднялся с кресла, но тут же вскочил и Филип.

– Не задержусь! – выпалил он, явно не собираясь сдаваться. – Я иду домой! Это худший день в моей жизни, за все ее пятьдесят четыре года. Сначала Пьер погибает, потом я весь день мучаюсь, рассказываю то Феликсу, то вам, то полиции, а сам все гадаю: вправду ли Арчи Гудвин его прикончил? Зря я, пожалуй, с вами откровенничал, надо было с полицией поделиться, но вы были близки с покойным мистером Вукчичем, а он высоко вас ценил... Я рассказал вам все – слышите, все! Больше мне сказать нечего.

Он направился к двери.

Я посмотрел на Вулфа, но он покачал головой, поэтому я просто вышел в прихожую и неспешно двинулся к выходу. Быть может, Филип не разрешит мне подать ему пальто? Нет, разрешил. Но желать доброй ночи не стал. Я распахнул дверь, прикрыл ее за ним, вернулся в кабинет и спросил Вулфа:

– Феликс вам нужен?

– Нет. – Вулф успел подняться. – Он, конечно, мог бы рассказать нам о Бассетте, но я вымотан, и ты тоже. Всего один вопрос: Филипу известно имя с бумажки?

– Десять против одного, что нет. Он заявил мне прямо в лицо, что это я могу оказаться убийцей, и назвал меня Арчи Гудвином. Думаю, он действительно не помнит.

– Проклятье! Передай Феликсу, чтобы ждал от меня весточку завтра. Нет, сегодня. Спокойной ночи. – И Вулф удалился.

Глава 5

Оплаченный Харви Г. Бассеттом обед в верхнем кабинете ресторана «Рустерман» вечером в пятницу, 19 октября, был сугубо мужским развлечением. На нем присутствовали:

Альберт О. Джадд, адвокат;

Фрэнсис Аккерман, адвокат;

Роман Вилар из «Вилар ассошиэйтс», промышленная безопасность;

Эрнест Уркхарт, лоббист;

Уиллард К. Хан, банкир;

Бенджамин Айгоу, инженер-электронщик.

Перечисляя эти имена, я, конечно, несколько забегаю вперед, но вот беда – терпеть не могу составлять всякие списки, поэтому чем раньше от такой обузы избавляюсь, тем проще мне живется. Кроме того, распечатывая список в среду по просьбе Вулфа, я быстренько его проглядел, пытаюсь угадать, кто из гостей может оказаться убийцей. Если хотите, присоединяйтесь к игре в угадайку. Разумеется, вовсе не исключено, что убийцы среди них нет. Тот факт, что они веселились в ресторане в тот вечер, когда Бассетт оставил клочок бумаги на подносе официанта, отнюдь не означает, что кто-то из них непременно виновен, ведь кто угодно мог неделю спустя сидеть около полуночи, поджидая жертву, в украденном автомобиле на Западной Девяносто третьей улице и сжимать в руке пистолет. Но начинать с чего-то надо, а эти люди, по крайней мере, были хорошо знакомы с Бассеттом. Быть может, кто-либо из них передал ему тот клочок бумаги.

В ночь на среду я лег спать в двадцать минут второго, практически ровно через сутки после того, как взрыв бомбы помешал мне снять брюки. Можно было бы побиться об заклад, что меня снова грубо прервут и помешают толком одеться, скажем, настоятельно пригласят к окружному прокурору. По счастью, этого не произошло, я проспал положенные восемь часов – крепкий сон был как нельзя кстати – и вышел на кухню без десяти десять. Достал из холодильника апельсиновый сок, пожелал Фрицу доброго утра и спросил, завтракал ли Вулф. Фриц ответил утвердительно: да, в четверть девятого, как обычно.

– Он был одет?

– Конечно!

– Откуда такая уверенность? Вчера вечером он был совсем без сил, сам признавался. Сейчас он наверху?

– Конечно.

– Ладно, будь по-твоему. Мне указания были?

– Нет. Арчи, я тоже устал, весь день напролет то телефон звонил, то чужие люди приходили и уходили, а мистер Вулф пропал неизвестно где.

Я сел за маленький столик и потянулся к стойке за свежей «Таймс». Нам с Вулфом выделили первую полосу – передовица в две колонки внизу, продолжение на странице 19. Даже наши фотографии разместили. Безусловно, мне приписали обнаружение тела. Я прочел каждое слово статьи, некоторые перечел даже дважды, хотя в ее содержании не было ничего для меня нового, а мое сознание между тем задавалось малоприятным вопросом: почему Вулф не распорядился прислать меня наверх, когда я проснусь? Я доедал третью сосиску со второй гречишной оладьей, когда зазвонил телефон. Я смерил аппарат хмурым взглядом. Теперь уж точно из офиса окружного прокурора звонят.

Но нет, это оказался Лон Коэн из «Газетт».

– Кабинет Ниро Вулфа, Арчи...

– Где тебя вчера целый день черти носили? Почему ты не в тюрьме?

– Послушай, Лон, я...

– Ты ко мне заедешь или мне тебя навестить?

– Ни то ни другое, и вообще, прекрати перебивать. Признаю, я могу раскрыть тебе кучу сведений, знать которые имеют право твои читатели. Но у нас свободная страна, а мне приятно оставаться вольной птичкой без арестантской робы. Давай так: когда станет возможным что-то рассказать, я сам тебя найду. А сейчас извини, мне пора, жду важный звонок.

Я повесил трубку и снова взялся за олады. Уж не знаю, дело в них или во мне самом. Если в них, то Фриц и вправду переутомился. Я заставил себя съесть обычные четыре штуки, чтобы он не начал задавать вопросы и не выяснилось попутно, что он забыл что-то добавить в тесто или, наоборот, подсыпал чего-то лишнего.

В кабинете я постарался внушить себе, что день сегодня совершенно обычный, смахнул пыль, выбросил мусор из корзин, поменял воду в вазе, проверил почту и так далее. Потом шагнул к подставке, где мы храним номера «Таймс» и «Газетт» за две недели, взял номера за последние четыре дня и сел за стол их изучать. Естественно, я и раньше читал отчеты об убийстве Харви Г. Бассетта, но теперь у меня возник к этому делу личный интерес. Тело обнаружил в припаркованном «додже-коронете» на Западной Девяносто третьей улице, недалеко от Риверсайд-драйв, поздно вечером в пятницу патрульный полицейский. Хватило всего одной пули 38-го калибра. Она вошла в тело под нужным углом, прямо в сердце, и пробила насквозь. Ее достали из передней правой дверцы машины, значит стрелял водитель. Правда, была еще версия, что Бассетт совершил самоубийство, но понедельничная «Таймс» эту версию опровергла. Полиция подтвердила убийство.

Я листал вторичную «Газетт», когда послышался шум спускающегося лифта. Мои часы показывали 11:01. Точно по расписанию. Я развернулся в кресле и, стоило Вулфу войти в кабинет, жизнерадостно произнес:

– Доброе утро! Вот, проглядываю отчеты о смерти Харви Г. Бассетта. Если вам интересно, «Таймс» я уже просмотрел.

Он поставил орхидею, вид которой я не потрудился опознать, в вазу на столе и сел:

– Ты хандришь, но это лишнее. После всех недавних событий тебе следовало проспать до полудня, все равно срочных дел пока нет. Что касается мистера Бассетта, в моей комнате, как тебе известно, хранится подборка «Таймс» за месяц, так что я...

В дверь позвонили. Я вышел в прихожую, присмотрелся к силуэту гостя и вернулся:

– По-моему, вы никогда с этим типом не встречались. Помощник окружного прокурора Коггин, Дэниел Ф. Коггин. Дружелюбный малый с ножом в рукаве. Любитель пожимать руки.

– Пригласи его сюда, – сказал Вулф и приступил к изучению почты.

Когда, после обмена крепкими рукопожатиями, я принял у Коггина пальто и шляпу и провел его в кабинет, Вулф встретил нас деловитым видом: в одной руке рекламный проспект, в другой – нераспечатанное письмо. Было бы невежливо вынуждать его расставаться с бумагами ради рукопожатия, и Коггин не стал этого делать. По всей видимости, не будучи лично знакомым с Вулфом, он тем не менее был осведомлен о его причудах.

– Кажется, мне еще не выпадала честь увидеться с вами, мистер Вулф, – бодро проговорил он, – и я рад, что такая возможность наконец представилась. – Коггин сел в красное кожаное кресло и огляделся. – Симпатично тут у вас. И ковер красивый.

– Подарок иранского шаха, – коротко пояснил Вулф.

Коггин наверняка знал, что это откровенная ложь, однако не преминул восхититься:

– Вот бы и мне кто такой подарок сделал! Чудесная вещь. – Потом бросил взгляд на часы. – Вы занятой человек, поэтому постараюсь быть предельно краток. Окружной прокурор желает узнать, почему вас и мистера Гудвина было нигде... э-э-э... не найти вчера днем, хотя вы знали, что вам необходимо дать показания. Окружной прокурор выразился иначе, но сути это не меняет. Ваш телефон не отвечал, а дверь не открывали.

– У нас были важные дела, и мы ими занимались. В доме оставался только мой повар, мистер Бреннер, а он, когда один, предпочитает не открывать.

– Значит, предпочитает? – усмехнулся Коггин.

Вулф усмехнулся в ответ, самым краешком губ; эту усмешку способен различить лишь наметанный взгляд.

– Хорошим поварам многое прощаешь, мистер Коггин.

– Вам виднее, мистер Вулф, у меня-то повара нет, не могу себе такого позволить. Если гадаете, почему я пришел к вам, а не стал вызывать к себе, то скажу, что у нас с коллегами случился спор. Мы обсуждали вашу речь, которую пришлось выслушать инспектору Кремеру. Припомнили ваши заслуги и ваши... э-э-э... нетипичные реакции. Решили было немедленно отозвать вашу лицензию частного детектива, но я счел подобные меры чересчур радикальными и заметил, что вы, когда успокоились, вполне могли осознать, что вели себя несколько порывисто. У меня в кармане лежит ордер на ваш арест и на арест мистера Гудвина, я мог бы задержать вас как важных свидетелей, но мне не хочется так поступать. Поэтому я пришел к вам один, настоял, чтобы меня не сопровождали. Я понимаю, действительно понимаю, почему вы так отреагировали на слова инспектора Кремера, но вы с Гудвином не вправе утаивать от следствия информацию по убийству человека в вашем доме. Тем более что этого человека вы знали много лет и неоднократно с ним беседовали. Я не хочу отбирать у вас с Гудвином лицензии. Насколько мне известно, ваш помощник умеет стенографировать и печатать. Для всех будет лучше, если я выйду от вас с вашими подписанными показаниями.

Когда Вулф сидит лицом к красному кожаному креслу, ему приходится поворачивать голову на четверть оборота. Сейчас он так и сделал:

– Арчи, твой блокнот.

Я залез в ящик стола, достал блокнот и ручку. Вулф откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и заговорил:

– Когда Пьер Дюко погиб насильственной смертью в моем доме в... Когда точно это случилось, Арчи?

– В час двадцать четыре.

– ...в час двадцать четыре ночи двадцать девятого октября тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, запятая, я не знал о нем ровным счетом ничего, запятая, за исключением того обстоятельства, запятая, что он опытный и сведущий в своем ремесле официант. Точка. Арчи Гудвин знал о нем не больше моего, запятая, разве что успел коротко переговорить с ним незадолго до гибели. Точка. Содержание этого разговора мистер Гудвин дословно изложил в показаниях сотруднику полиции в ту ночь в моем доме. Точка. Следовательно, запятая, всеми сведениями, запятая, которыми располагали я и мистер Гудвин на момент обнаружения тела Пьера Дюко в моем доме, запятая, мы уже поделились с полицией. Точка, абзац.

С момента, запятая, когда было обнаружено тело, запятая, мы с мистером Гудвином предпринимали различные изыскания и общались с разными людьми с целью установить, запятая, кто может быть причастен или повинен в смерти Пьера Дюко в моем доме, запятая, и мы намерены продолжать свои изыскания. Точка. Мы проводили и будем далее вести расследование не как лицензированные частные детективы, запятая, а как свободные граждане, запятая, в жилище которых произошло тяжкое преступление. Точка. Мы полагаем своим правом утверждать, запятая, что не существует законных преград проведению такого расследования, запятая, а в случае, запятая, если нам начнут мешать, запятая, будем это оспаривать. Точка. Отзыв наших лицензий никоим образом не затронет реализацию данного права. Точка, абзац.

Сведения, запятая, полученные нами в ходе указанного расследования, запятая, могут быть предоставлены по нашему желанию полиции или общественности. Точка. Решение относительно раскрытия этих сведений будет приниматься нами исключительно добровольно. Точка. Если речь пойдет о нашей гражданской ответственности, запятая, данный вопрос под-

лежит, запятая, разумеется, запятая, урегулированию в рамках соответствующих юридических процедур. Точка. Если наши лицензии не будут отозваны, запятая, наши полномочия частных детективов не имеют значения. Точка. Если же лицензии у нас отзовут, запятая, эти полномочия утратят всякий смысл. Точка, абзац.

Мы продолжим сотрудничать с полицией в той степени, запятая, которая определяется законом, запятая, например, запятая, мы готовы обеспечить доступ в помещение, запятая, где произошло преступление, запятая, в любое разумное время суток. Точка. Мы всецело одобряем и поддерживаем усилия полиции по розыску преступников и готовы им содействовать. Точка.

Вулф открыл глаза и выпрямился.

– Напечатай на моем именном бланке через один интервал с широкими полями. Сделай четыре копии. Я все подпишу собственноручно, а ты смотри сам, как поступить. Оригинал отдай мистеру Коггину. Одну копию отошли почтой мистеру Кремеру. Другую переправь мистеру Коэну и предложи опубликовать это заявление в завтрашнем номере «Газетт». Если он откажется, опубликуй текст в две колонки десятым кеглем в разделе рекламы за мой счет. Еще один экземпляр направь в «Таймс», как полноценный материал, не как рекламу. Если мистер Коггин вмешается и арестует нас до того, как ты успеешь все напечатать, то, когда меня поместят под охрану, я воспользуюсь правом на телефонный звонок, продиктую этот текст секретарю мистера Паркера и объясню, что нужно сделать. – Он снова повернул голову, теперь в обратную сторону. – Если собираетесь что-либо возразить, мистер Коггин, лучше говорите погромче. Машинка мистера Гудвина достаточно шумная.

Коггин улыбался:

– Это не очень-то похоже на ваше обычное поведение. Грязный и дешевый блеф.

– Как угодно. Лично мне кажется, что это достойная реакция на дешевый блеф. – Вулф поднял руку ладонью вверх. – Все ведь очевидно, даже мистер Кремер сообразил. Я действительно одобряю и поддерживаю усилия полиции по исполнению обязанностей, возложенных на нее законом, но в данном случае рассчитываю на то, что полиция успеха не добьется. Прошу, не поленитесь, осмотрите сами комнату наверху, прямо над моей спальней. Человека убили там, пока я спал. Я намерен разыскать того, кто это учинил, и привлечь его к ответственности при помощи мистера Гудвина, чье чувство собственного достоинства уязвлено ничуть не меньше. Это он привел жертву в ту комнату. – Вулф сжал пальцы в кулак. – Нет, я не блефую. Сомневаюсь, что мне и вправду что-либо угрожает, но, даже если угроза реальна, я не отступлюсь. Постоянные мелочные запреты лишают повседневную жизнь сколько-нибудь крупных радостей, а потому, когда появляется возможность насладиться жизнью, этим шансом надо пользоваться. Вам наверняка известно от мистера Кремера, как мы поступим, если нас все-таки задержат, потому повторяться не стану. – Он опять повернул голову. – Печатай, Арчи.

Я развернулся к пишущей машинке, достал бумагу и копирку. Большая часть кабинета отражалась в зеркале размерами шесть футов на четыре на стене над столом, и я знал, что не пропущу ничего интересного, колотя по клавишам, ибо Коггин хранил молчание и неотрывно следил за мной. Текст показаний отлично уместился на одной странице с широкими полями. Я вынул бумагу, убрал копирку и передал Вулфу. Он подписал все экземпляры, включая и тот, что останется у нас, и я последовал его примеру, не потрудившись присесть.

Затем я вручил оригинал Коггину.

– Давайте и копии сюда, – сказал он. – Все до единой.

– Простите, не могу, – ответил я. – Моя работа мне нравится, я не хочу ее терять, нарушая инструкции.

– Отдай! – распорядился Вулф. – У нас есть твой блокнот.

Я передал Коггину копии. Он подложил их к оригиналу, аккуратно выровнял стопку листов, сложил и сунул во внутренний нагрудный карман пиджака, после чего улыбнулся

Вулфу. Еще бы, семь минут, пока я печатал и мы подписывали бумаги, обеспечили ему уйму времени для размышлений.

– Не удивлюсь, если вы уже знаете убийцу. Просто хотите свести воедино все ниточки. – Он встал, опираясь на подлокотники кресла. – Надеюсь, у меня появятся новые ордера, уже не на важных свидетелей, и, когда я их предъявлю, вы загремите в тюрьму на десяток лет без права досрочного освобождения. – На полпути к двери Коггин остановился и бросил через плечо: – Не провожайте меня, Гудвин. От вас воняет.

Когда стукнула входная дверь, я выглянул в прихожую и удостоверился, что Коггин и в самом деле ушел, потом вернулся в кабинет:

– Вы не стали меня отсылать, так как знали, что кто-то из копов обязательно явится. Просто замечательно.

Вулф фыркнул:

– Я много раз тебе говорил, сарказм – бесполезное оружие. Он не ранит, а раздражает. С какой стати этому Коггину понадобились все копии?

– Сувениры собирает. Или автографы. Мы же оба подписали. Когда-нибудь выставит на аукционе «Сотбис». – Я посмотрел на часы. – Без двадцати двенадцать. Скоро ланч, а посетителей можно не ждать где-то до часа. Или у вас есть план получше, чем новый разговор с Феликсом?

– Сам знаешь, что нет. Нам нужно вытянуть из него все, что он знает о мистере Бассетте и его гостях на том обеде. Разве что... Ты выспался, поэтому спрошу снова: по-твоему, Филип на самом деле не помнит, что было написано на той бумажке?

– Уверен, что не помнит. Я же вам сказал, он явно не лукавил. Думает, что там было написано «Арчи Гудвин». Пьер говорил, что заинтересовался этим человеком... Ладно, к ланчу меня можно не ждать.

– Постой! Вот что... Если Феликс назовет тебе имена, хотя бы одно, и ты отправишься опрашивать этих людей, стоит, быть может, сказать, что Пьер якобы видел, как кто-то вручает мистеру Бассетту ту записку. Подумай над этим.

– Угу. Тем паче Пьер мертв и нас во лжи не уличит.

Я вышел в прихожую, взял с вешалки пальто. Никакой шляпы. Термометр показывал 38 градусов⁹; больше похоже на декабрь, чем на октябрь. На улице было пасмурно, однако у меня свои правила, которых я придерживаюсь. Никакой шляпы до Дня благодарения. Дождь и снег полезны для волос.

⁹ То есть около 4 °С.

Глава 6

С Феликсом беседа не заладилась. С его стороны сыпались сплошные отрицания, а читать или писать об отрицаниях – сомнительное удовольствие. Если не считать предпочтений в еде и мнений по поводу того, как еду следует подавать, я не узнал ничего полезного о Харви Г. Бассетте. Думаю, пожалуй, что мне о нем было известно даже больше, чем Феликсу, поскольку я перечитал газетные заметки дважды, а он, может, вообще их не читал. Разве что телевизор смотрел и радио слушал, а его рабочий день длился добрых двенадцать часов. Что касается самого важного вопроса – имен гостей на обеде 19 октября, почти две недели назад, – Феликс не сообщил ровным счетом ничего. Никого из них он не видел ни раньше, ни позже той встречи. Знал только, что на обед пригласили одних мужчин. По всей видимости, ко мне он относился лучше, чем Филип, – сказал, что привезли свежих рыб помпано¹⁰ с залива, и захотел меня накормить, но я с благодарностью отказался.

Было 12:42, когда я вышел из ресторана и двинулся в центр. Среди множества моих сравнительно бесполезных привычек есть привычка подсчитывать время, затраченное на пешие прогулки, пускай это окупается в одном случае из ста. На дорогу до здания «Газетт» ушло девять минут. В кабинете Лона Коэна, через две двери от кабинета издателя на двадцатом этаже, едва хватало места для большого письменного стола с тремя телефонными аппаратами, кресла рядом и полка с несколькими книгами и тысячами экземпляров газет. Было время ланча, так что я рассчитывал застать Лона в одиночестве – и не прогадал.

– Чтоб мне пусто было! – восхитился он. – Ты до сих пор на свободе?

– Почти. Я сбежал. Пришел, чтобы меня заново сфотографировали. На том снимке, который ты опубликовал в воскресенье, у меня нос кривой. Я, конечно, не красавчик, но хожу с прямым носом.

– Видно, он у тебя сам искривился после такой-то ночи. Черт подери, Арчи! У меня материал горит. Позову Лэндри, он отведет тебя в свободное помещение, и...

– Стоп! Никаких подробностей, даже что ел на завтрак, и то не скажу. Помнишь, по телефону я обещал, что поделюсь сведениями, когда станет можно? – Я встал. – Так вот, появилась пара зацепок, но если тебе некогда...

– Садись. Ладно, опоздаю с материалом на два часа, а не на час, какая разница... Но вот с голода я подышать не собираюсь. – Он откусил изрядный кусок от сэндвича с тунцом и салатом на цельнозерновом хлебе.

– Ну, час – это ты хватил. – Я послушно сел. – Думаю, уложимся в три минуты, если ты назовешь мне имена шестерых гостей на обеде Харви Г. Бассетта в «Рустермане» в пятницу, восемнадцатого октября.

– Что? – вскинулся Лон, перестав жевать. – Бассетт? А он какое отношение имеет к взрыву бомбы в доме Ниро Вулфа?

– Кое-какое имеет, но это не для печати. Прямо сейчас вообще все, о чем мы говорим, не для печати. Повторяю – все, без исключения. Пьер Дюко работал официантом на том обеде. Ты знаешь, кто там был?

– Нет. Я и не знал, что Пьер прислуживал гостям.

– Как быстро сможешь выяснить, не втягивая ни во что меня?

– Может, за день, а может, за неделю. Или за час, если доберемся до До-Ре-Ми.

– Это кто?

– Его жена. Вдова. Разумеется, в лицо никто ее так не называет. Говорят, что после его смерти она прячется от мира. Никого не принимает, даже окружного прокурора турнула. Лич-

¹⁰ Морские лучеперые рыбы семейства ставридовых.

ный врач у нее дноет и ночует. Слухи, сам понимаешь... А чего ты так уставился? Неужели мой нос тоже загнулся?

– Чтоб меня! – Я вскочил. – Нет чтобы раньше вспомнить! Болван! Наверное, от шока память отшибло. Увидимся завтра вечером, Лон. Во всяком случае, я на это надеюсь. Забудь, что ты меня видел.

На этом этаже телефона-автомата не было, пришлось спускаться на лифте в вестибюль. Пока лифт полз вниз, я рылся в памяти. Лили Роуэн усердно опекала разнообразную творческую публику – поэтов из Боливии, пианистов из Венгрии, девиц из Вайоминга и Юты. Я свел знакомство едва ли с десятой частью от общего их числа, но вот с Дорой Миллер не встречался никогда. Она прибыла в Нью-Йорк из Канзаса и по совету агента поменяла имя на До-Ре-Ми. Правда, вскоре выяснилось, что никто не в состоянии произнести эти три слога правильно, и пришлось снова менять имя – на Дору Ми. Велик соблазн предположить, что певица с таким имечком пойдет далеко, но, когда Лили рассказывала мне о Доре, та пробавлялась песенками для рекламных роликов на ТВ. «Таймс», конечно, не упоминала, что миссис Харви Бассетт когда-то звали До-Ре-Ми, но «Газетт» наверняка писала, а я пропустил. Шок, будь он неладен!

На цокольном этаже я подошел к одному из десятка аппаратов, притворил дверь кабинки и набрал номер. После восьми гудков женский голос произнес:

– Слушаю?

Она всегда ухитрялась превратить это слово в вопрос.

– Привет! Отличная сегодня погода.

– Ба! Я ни разу тебе не звонила, так что ты должен погладить меня по головке или потрогать там, где, по-твоему, будет лучше всего. Ты жив и здоров? Дома сейчас?

– Я жив. Всего в десяти кварталах от тебя. Если не возражаешь против компании, через десять минут буду.

– Ты не компания. Если ты не забыл, мы все пытаемся понять, кто мы такие друг другу. Я говорю по-английски. Ланч почти поспел. Улицы переходят на зеленый.

Разговор мы оборвали одновременно, как у нас было заведено.

Даже проживай там кто-нибудь другой, было бы приятно побывать в пентхаусе на Восточной Тридцать третьей улице, но, конечно же, другой жилец обставил бы все совершенно иначе. Лично я точно бы выкинул на помойку картину из гостиной кисти де Кунинга и электрический камин из гостевой спальни. А еще мне очень нравится, как тут принимают. Лили почти всегда открывает дверь сама и не протягивает руку, когда мужчина скидывает с плеч пальто в прихожей. Обычно мы не целуемся при встрече, но на сей раз она крепко обвила меня руками и подставила губы, а я охотно ее поцеловал и тоже обнял.

Потом она сделала шаг назад и требовательно спросила:

– Где ты пропал и что делал в половине второго ночи двадцать восьмого октября, в понедельник?

– Попробуй снова, – посоветовал я. – Ты все перепутала. Двадцать девятого, а не двадцать восьмого, во вторник, а не в понедельник. Но сначала я исповедуюсь. Я пришел под надуманным предлогом. Мне нужна помощь.

Она кивнула:

– Кто бы сомневался! Я поняла сразу, когда ты похвалил погоду. Знаешь, когда тебе что-нибудь нужно, ты ведешь себя так, что я немедленно вспоминаю о своих ирландских корнях. Поскольку ты спешишь, идем за стол. Еды хватит на двоих. – Она провела меня через гостиную в свое логово, с письменным столом, картотекой, полками и пишущей машинкой; в уголке приткнулся стол, за которым вполне могли поместиться двое.

Когда мы сели, Мими принесла поднос с едой.

– Выкладывай! – потребовала Лили.

Мои собственные манеры мне тоже нравятся, поэтому я дождался, пока Мими закончит сервировать стол и уйдет, а мы оба откусим по кусочку сельдерея. За столом у Лили, особенно когда гостей не ждут, частенько невозможно угадать, что именно лежит на тарелке – даже Фриц, думаю, затруднился бы, – поэтому я просто вопросительно выгнул бровь.

– Вечно ты меня разочаровываешь, – вздохнула Лили. – Вот, попробуй. Мы сами никак не определимся, вкусно или нет. Грибы, соевые бобы, черные орехи и кисломолочная заправка. Фрицу не рассказывай, ладно? Если не понравится, Мими быстренько приготовит омлет. Даже Вулф согласен, что омлеты у нее вкусные. На ранчо.

Я подцепил вилкой порцию салата. Жевать не пришлось – орехи то ли размололи, то ли расплющили. Проглотив, я произнес:

– Хочу все прояснить...

– Не надо! Не пугай меня. Даже когда ты шутишь на его счет, мне становится страшно.

– Экая ты непочтительная. Надо говорить «насчет его возвышенности». Твое первое впечатление о втором впечатлении от него практически совпадает с моим. А что до салата, тут я с тобой заодно. Вкус своеобразный, но... – Я подцепил новую порцию.

– Пожалуй, понаблюдаю-ка за тобой. Рассказывай, зачем пришел.

Я дождался, пока вторая порция рухнет по пищеводу.

– Мне нужна помощь. Ты как-то упоминала о девушке из Канзаса по имени До-Ре-Ми, помнишь?

– Разумеется. Мы вчера с ней виделись.

– Виделись? Вчера? Ты виделась с миссис Харви Бассетт?

– Ну да. Полагаю, ты слышал про ее мужа, ты же всегда читаешь раздел криминальной хроники. Она позвонила мне вчера днем и призналась, что... – Лили вдруг замолчала. – А что такое? Она спрашивала насчет тебя, а теперь ты ею интересуешься. Что вообще происходит?

От изумления я раскрыл рот:

– Ушам своим не верю! Получается, миссис Бассетт звонила тебе, чтобы разузнать обо мне? Я не...

– Не передергивай. Она звонила, чтобы пригласить меня в гости и утешить ее. Прямо не сказала, но я все поняла. Мол, будет рада меня видеть и все такое. Наверное, из-за моих прежних стараний, когда у нее ничего не получалось в Нью-Йорке и она готова была вернуться домой ради еды. Не то чтобы я сильно ей помогла, просто оплатила кров и еду на год вперед. Мы не виделись года три или четыре, кажется. Короче, я поехала к ней, мы поболтали больше часа, и внезапно она спросила, встречалась ли я с тобой после гибели ее мужа. Я решила, что это светская болтовня. Еще она прибавила, что читала кое-какие твои книжки о расследованиях Ниро Вулфа. Это меня удивило, ведь раньше она книг не читала, я точно знаю. Я решила, что она просто пытается отвлечься от тех неприятностей, что на нее обрушились, но теперь ты стал расспрашивать о ней... Итак, я желаю знать. – Лили проглотила салат и уставилась на меня. – Господи боже, Эскамильо, я что, ревную, что ли? Конечно, если мне кого и ревновать, то в первую очередь тебя, но я всегда думала... Да я ли это, Гудвин?

– Расслабься. – Я провел кончиками пальцев по тыльной стороне ее ладони. – Быть может, ты ревновала меня с того самого дня, как впервые увидела и как впервые услышала мой голос, это вполне естественно. С До-Ре-Ми мы никогда не встречались, я знать не знаю, как она выглядит. Просто совпадение, что мы расспрашиваем друг о друге. Обычно я с подозрением воспринимаю совпадения, но вот это мне нравится, честное слово. Я сейчас расскажу тебе кое-что, о чем следует молчать, поняла? Имеется некая связь между двумя убийствами, между гибелью Бассетта и смертью Пьера Дюко. Не исключено, что До-Ре-Ми может знать что-то полезное. За неделю до гибели, в пятницу, восемнадцатого октября, Бассетт пригласил шестерых мужчин на обед в «Рустерман», и Ниро Вулфу, как и мне, нужны имена этих шестерых. Возможно, она сумеет их назвать. Даже одного имени будет достаточно. Лон Коэн из «Газетт» – вы с ним

как-то встречались – уверяет, что До-Ре-Ми сделалась затворницей и никого не желает видеть. Смотри сама, как удобнее: либо ты позвонишь ей и попросишь принять меня, либо съездишь к ней и узнаешь имена, либо выяснишь все по телефону. Как я сказал, хватит и одного имени. Вот зачем я пришел, ну и позволь поблагодарить тебя за это чудесное блюдо. Не поделишься рецептом для Фрица?

Я снова потянулся вилкой к салату.

Лили откусила кусок сельдерея и принялась жевать. Хорошее у нее лицо, красивое, не важно, жует она сельдерей или сочную отбивную.

– Ты уже в третий раз просишь меня о помощи, – сказала она задумчиво. – Прошлые два раза мне понравилось, правда¹¹.

– Ничуть не сомневаюсь, – кивнул я, – что в этот раз ты опять останешься довольной. Я бы не стал просить тебя шпионить за подругой, ты же знаешь. Я считаю – нет, мы считаем, – что она совсем не против прищемить хвост тому типу, который убил ее мужа. У нас общая цель. Ну да, формально мы ищем человека, который прикончил Пьера Дюко в нашем доме, всего в тридцати футах от моей спальни, но, повторю, эти убийства связаны между собой. Не могу обещать, что она не пожалеет, если назовет имена. Когда расследуешь убийство, нет смысла что-либо обещать, зато всегда можно подсчитать шансы. Пусть будет один к тысяче. – Я ткнул вилкой в салат.

Как по мне, вполне съедобно. Наверное, я просто увлекся разговором.

– Ну, я бы предпочла позвонить и спросить по телефону. А что, если она скажет, что не знает, но я пойму, что она лжет? Она такая милая, ее нельзя не любить, но лгунья она отменная. Не хочу ее изводить, ей и без того очень плохо.

– Изводить не надо. Давай упростим дело. Вычеркни меня, скажи, что какая-то твоя знакомая видела Бассетта в «Рустермане» в компании пяти или шести мужчин за неделю до его гибели, вид у них был не слишком веселый, и твоя подруга подумала, а не один ли из них его убил. Вот же бред, а?! Объясняю тебе, как водить за нос!

– Спасибо на добром слове, конечно. Ладно. У нас еще лимонный пудинг с хересом, я намерена им насладиться, так что пойду в спальню и позвоню прямо сейчас. – Она отодвинула стул и поднялась. – Значит, пятница, восемнадцатое октября?

– Верно.

Лили ушла. Мои часы показывали двадцать одну минуту третьего. Если она разбудит имена, лично мне будет не до пудинга с хересом, поэтому лучше поторопиться. Я нажал на кнопку вызова, и тут же появилась Мими. Посмотрела на мою тарелку, потом на меня:

– Вы съели больше половины, мистер Гудвин. Что скажете?

– Как на духу, Мими, – вот не знаю. Когда меня одолевают мысли о работе, я перестаю чувствовать вкус. Надо будет снова напроситься в гости.

Она кивнула:

– Я догадалась, что вы чем-то озабочены. Приготовить вам омлет?

Я поблагодарил и отказался, дескать, достаточно пудинга с кофе, и Мими забрала мою тарелку. Через четыре минуты она вернулась, и я обжег язык горячим кофе, потому что спешил откликнуться на зов желудка. Пудинг, разумеется, ничуть не разочаровал. Мими хороша в пудингах, парфе и пирожных, а также в кофе.

Я облизывал ложку, когда вошла Лили, разговаривая на ходу с Мими.

– Сиди, не вставай. Я узнала одно имя. – Она присела. – Бедняжке совсем плохо, уж не знаю, почему она так убивается. Он был минимум вдвое ее старше, и я всегда думала, что она вышла за него, чтобы сбежать от нищеты. Разве нет?

– Не знаю. Я никогда ее не видел. Что за имя?

¹¹ Имеются в виду события, описанные в романах «Даже в лучших домах» и «Право умереть».

– Ах да, имя. Она сказала, что других гостей не встречала, но вот этот ей знаком. – Лили протянула мне светло-зеленый листок для записей. – Она зовет его Бенни. Он инженер в компании «НАТЕЛЕК», которой владел Бассетт. Еще кофе?

– Нет, спасибо. Ты молодец. Мы повысим тебе зарплату и...

– Ты еще не знаешь, на что я способна. Ладно, вали отсюда. Ты сам не свой, когда твои мысли где-то далеко. – Она взяла ложку.

– Я бы не... Нет, пожалуй, не стану продолжать. – Я встал. – Однажды я тебе все расскажу. Будем надеяться, что ты оценишь. Пока.

В лифте я изучил листок с именем. Бенджамин Айгоу. Надо было уточнить, как эта фамилия произносится, куда ударение ставить. На тротуаре я постоял полминуты, а затем двинулся на запад и свернул на Мэдисон-авеню. Пора принимать решение, как действовать, – опираясь на интеллект и руководствуясь опытом, если цитировать Вулфа. К Пятьдесят пятой улице решение было принято, но пешком я доберусь до места ничуть не медленнее, чем на такси или на автобусе, поэтому я пошел дальше. Было пять минут четвертого, когда швейцар у ресторана «Рустерман» отдал мне честь и распахнул дверь. Значит, лихорадка ланча уже миновала и Феликс сможет меня выслушать, не отвлекаясь на суету.

Большого от него не требовалось, только слушать и правильно произнести имя клиента. Я повторил это имя по буквам, и он сказал, что, наверное, оно читается как «Иго», но мне казалось, что должно быть «Айгоу». Раз я родился в Огайо, а Феликс в Вене, победа осталась за мной. Когда этот вопрос был улажен и я кратко сообщил Феликсу о положении дел, то отправился в бар и заказал себе ирландского виски с водой. Даже после кофе мой желудок как будто продолжал считать, что его недокормили, а ирландский виски я выбрал, чтобы заочно передать привет Лили и ее предкам. После этого я изучил телефонную книгу и отыскал адрес «Нэшнл электроник индастриз». Тридцатая авеню, между Сороковыми, какое облегчение! А ведь могли бы обитать где-нибудь в Квинсе.

Из ресторана я вышел через боковую дверь. Компания, как оказалось, занимала три этажа в одном из этих новомодных зданий из стекла и металла. Судя по списку в вестибюле, научный отдел сидел на восьмом этаже, производство на девятом, а начальство – на десятом. Человек, которого я искал, мог быть кем угодно, от сотрудника склада до председателя совета директоров, но я решил начать сверху – всегда начинайте сверху – и поднялся на десятый этаж. Там мне сказали, что мистер Айгоу – я был прав с произношением! – работает в производственном отделе. На девятом этаже женщина с двойным подбородком воспользовалась устройством вроде интеркома – я к таким не привык – и велела мне идти по коридору до последней двери справа.

Угловое помещение с четырьмя окнами. Выходит, Айгоу не складской работник, хотя видок у него был скромный – коричневый комбинезон с большими, битком набитыми карманами. Он стоял рядом с картотекой, когда я вошел внутрь. Никогда не видел более встревоженного лица. Ну да, этого можно было ожидать, раз уж президент компании скончался всего пять дней назад, однако глубокие морщины бороздили его лоб явно никак не меньше пяти лет. Потому он застал меня врасплох, когда произнес сильным баритоном:

– Послание от Ниро Вулфа? Какого дьявола? Что вам нужно?

Мой голос непроизвольно взмыл чуть выше обычного:

– Не послание, а вопрос, если не возражаете. Все довольно запутанно, поэтому уделите мне несколько минут...

– Мне всегда некогда, но моему мозгу требуется отвлечение от треклятых технических задач. Ладно, у вас десять минут. – Он бросил взгляд на часы. – Давайте присядем, что ли.

Под окнами располагался большой стол, но, видимо, именно там гнездились треклятые задачи, потому что Айгоу направился к дивану у дальней стены. Уселся и скрестил ноги, несмотря на плотно набитые карманы, а я взял стул и сел напротив.

– Постараюсь покороче, но без некоторых подробностей не обойтись. Пару лет Ниро Вулф владел как попечитель рестораном «Рустерман», а от его имени там распоряжался человек по имени Феликс Мауэр. Теперь Феликс руководит самостоятельно, однако частенько просит совета у Ниро Вулфа, а мы с мистером Вулфом нередко в этом ресторане обедаем. Вчера мы ходили туда на ланч, и Феликс...

– Погодите-ка. Официант из этого ресторана был убит в доме Вулфа, и вы нашли тело. Так?

– Да. Вот почему мы заходили туда вчера, задавали вопросы. Официанта звали Пьер Дюко, именно он прислуживал вам наверху в пятницу, восемнадцатого октября. Двенадцать дней назад. На обеде, организованном Харви Г. Бассеттом. Припоминаете?

– Еще бы мне не помнить! Это был наш последний с ним обед.

– Официанта тоже помните?

– Людей я вообще не помню, только фракции и эмиссии.

– Мы с мистером Вулфом хорошо знали Пьера, а он нам доверял. В понедельник вечером у нас в доме он сказал мне, что его хотят убить. Еще он упомянул об обеде восемнадцатого октября, сообщил, что видел, как один из гостей вручил Бассетту клочок бумаги, а Бассетт сунул тот в свой бумажник. Пьер утверждал, что остальное он расскажет только Ниро Вулфу, величайшему на свете детективу. Я отвел его наверх, в спальню, а что было дальше, наверняка известно вам и паре миллионов человек. В общем, вот так. Обед состоялся двенадцать дней назад, и я не перестаю спрашивать себя, почему Пьер решил поведать мне об этом событии и о записке, которую один из гостей передал Бассетту. Именно ради этого я пришел к вам и хочу задать простой вопрос: это вы отдали Бассетту записку? Если да, что в ней было написано?

– Не я. А что?

– Вы видели, как кто-то другой ее передавал?

– Нет. Ха! – Он то ли нахмурился, то ли такое впечатление складывалось из-за обилия морщин.

– Тогда я попрошу вас об одолжении от имени Ниро Вулфа. Мы спрашивали Феликса, кто был гостями на том обеде, однако он сумел вспомнить только ваше имя. Дескать, кто-то вас ему назвал – мол, это Бенджамин Айгоу, знаменитый ученый. Не знаю, согласны ли вы называть себя ученым, но Феликсу вас представили так.

– Что-то не верится. Черт побери, какая из меня знаменитость! Ха!

– А вдруг вы просто не знаете о своей славе? Можно спросить у Феликса. Давайте позволим ему и спросим.

– Кто ему это сказал?

– Он не признается. Ну что, звоним? Он на месте. – Честно говоря, я думал, что Айгоу согласится. Девять из десяти человек согласились бы. Ну или восемь. Или семь.

Он меня удивил:

– Если я знаменит, тому самое время. Все-таки мне уже шестьдесят четыре. Ха! Значит, одолжение вам сделать?

– Не мне, а Ниро Вулфу. Я лишь мальчик на побегушках. Он хочет...

– Не скромничайте, вы же известный частный сыщик.

– Не надо верить всему, что пишут в газетах. Вовсе я не известный. – Хотелось вернуть что-нибудь заковыристое, но я сдержался. – Мистеру Вулфу нужны имена всех гостей, но вы же не запоминаете людей, поэтому вряд ли сможете помочь.

– Названия и имена я запоминаю превосходно, – возразил он. – Пьер Дюко рассказывал вам, о чем мы говорили?

Я покачал головой:

– От него я услышал ровно то, чем с вами поделился.

– Мы обсуждали магнитофоны и запись на ленту. Харви собрал нас вместе ради этого. Вы были знакомы с Харви Бассеттом?

– Нет. Слышал о нем, разумеется, он тоже личность известная.

– Я знал его всю свою жизнь, мы учились в одном колледже. Он был на три года старше. Меня считали одаренным. Да, давно это было. Ха! Я выбрал физику, а он пошел в бизнес. Накопил под миллиард долларов или около того, но до самой смерти не мог отличить электрон от киловольта. А еще вырос неуравновешенным типом. Страдал одержимостями. К примеру, по поводу Ричарда Никсона. Вот зачем он нас собрал. Он производил электронное оборудование для записи, точнее, мы придумывали и изготавливали, а он продавал. Он был уверен, что Никсон все испортил. Изгадил. Он хотел что-то сделать, но что именно, решить никак не мог. Попросил нас... – Он прервался и посмотрел на часы. – Черт подери, уже двенадцать минут прошло!

Айгоу вскочил так прытко, будто ему было двадцать четыре, а не шестьдесят четыре. Вознамерился было куда-то убежать, но я схватил его за руку и твердо проговорил:

– Черт возьми, назовите имена!

– А я разве обещал? – Он вырвался, подошел к столу, взял ручку и блокнот и принялся писать.

Писал так быстро, что я сразу понял: почерк будет не разобрать. Когда я приблизился, он вырвал листок из блокнота и протянул мне. Одного взгляда хватило, чтобы понять: я ошибался. Все пять имен читались отчетливо.

– Мистер Вулф будет признателен, – поблагодарил я искренне. – Чертовски признателен! Он никогда не покидает свой дом, но почти не сомневаюсь, что ему захочется лично выразить вам свою благодарность. Может, заглянете как-нибудь к нам, допустим, по дороге домой?

– Вряд ли. Или загляну. С моей работой никогда не знаешь, как оно все обернется. Ладно, выметайтесь. Ха!

На прощание я кинул ему в лицо: «Ха!» Шучу, конечно, я просто повернулся и вышел.

Прошел пешком десять кварталов до Тридцать пятой улицы, а оттуда двинулся к старому особняку из бурого песчаника. На крыльцо я поднялся в половине пятого, прикинул, что Вулф сейчас в оранжерее, поэтому повесил пальто и направился в кабинет, где сел в кресло и устался на список с именами. Айгоу записал не только имена, он пометил, кто и чем занимается. Пожалуй, если бы мое время не вышло, он вписал бы и возраст с адресами. Я кинул листок на стол и замер, осмысливая картину. Теперь перед нами открылся совершенно иной расклад. Фигура Ричарда Никсона, незримо присутствовавшего за обедом, рисовала недавние события в принципиально новом свете. Тому, кто хорошо знал Вулфа, это было очевидно. Настолько очевидно, что мне потребовалось всего десять минут, чтобы решить, с чего начать. Я так и поступил – снял трубку и набрал номер.

На сбор ушло приблизительно полчаса. Вообще-то, дозвонился я на самом деле лишь до Фреда, а Солу и Орри оставил срочные сообщения. Потом сел за машинку и напечатал список имен в пяти экземплярах. Здесь приводить его не буду, потому что уже перечислял эти имена раньше. Затем распечатал свой разговор с Айгоу, дословно, в двух экземплярах. Обычно я не перечитываю свои отчеты, но этот стал читать, и на второй странице задребезжал лифт.

Вулф вошел в кабинет, сел за свой стол и произнес:

– Ты вернулся.

Он редко снисходит до того, чтобы отмечать недвусмысленные факты, но эту фразу повторяет довольно часто, словно удивляясь, что я не хромаю и не истекаю кровью после нескольких часов в бетонных джунглях.

– Да, сэр. Постараюсь уложиться до обеда. Я встречался с Феликсом, с Лоном Коэном, с мисс Роуэн, снова с Феликсом, а также с одним из гостей на обеде Бассета. Его зовут Бенджамин Айгоу, он инженер-электронщик в «НАТЕЛЕК», компании Бассетта. Понимаю, вы

захотите подробностей, но они подождут, а я пока изложу вам суть. Вот распечатка моего разговора с Айгоу.

Я взял бумаги со стола, встал и вручил их Вулфу.

Три страницы. Последнюю он прочитал дважды, посмотрел на меня из полуприкрытых век и сказал:

– Боже мой!

Я уставился на него. Быть может, даже разинул рот. Он избегает таких слов, а сейчас произнес, причем слово «Боже» явно прозвучало с большой буквы.

Поняв, что я продолжаю молчать, Вулф спросил:

– Как он себя вел? Нервничал? Хвастался?

– Нет, сэр, говорил прямо и четко.

– Написал имена...

– Верно, сэр. – Я держал в руке оригинал списка, не копию. Вулф прочитал, тоже дважды, положил листок себе на стол, затем подобрал и снова поднес к глазам.

– Меня не так-то просто удивить, – проговорил он. – Сиди они сейчас здесь, все шестеро, я бы, пожалуй, пренебрег обедом. Порой я прошу тебя привести кого-то, прекрасно зная, что никто, кроме тебя, с таким заданием не справится, но эти шестеро... даже тебе их скопом не одолеть.

– Согласен. Поэтому, прежде чем печатать, я сделал кое-что еще. Воспользовался телефоном. И не раз. Результаты налицо. Попробуете угадать?

Вулф пристально взглянул на меня и закрыл глаза. Через минуту, может, чуть позже он открыл глаза и поинтересовался:

– Когда они придут?

– К девяти. Фред придет точно, Сол и Орри – скорее всего. Вы же знаете, им нравится выполнять ваши поручения.

– Удовлетворительно, – изрек он. – Пора и пообедать. Я не ел уже два дня.

Глава 7

Как-то и не вспомнить, кто однажды назвал их тремя мушкетерами. Сол уселся в красное кожаное кресло, Фред и Орри заняли два желтых, которые я придвинул поближе к столу Вулфа. Пил каждый свое – Сол выбрал бренди, Орри водку с тоником, Фред предпочел бурбон, я пил молоко, а Вулф потягивал пиво.

Сол Пензер на пару дюймов ниже меня, выглядит куда менее привлекательно, с его большими ушами и неглажеными брюками, зато кое в чем умнее меня. Фред Даркин на дюйм короче, на два дюйма шире, щетина гуще, чем у меня, и в чем-то он доверчивее. Орри Кэтер на полдюйма выше, намного смазливее и слегка тщеславнее. Он до сих пор уверен, что мог бы занять мое место, и считает, что рано или поздно так и случится. Еще он уверен, что все женщины моложе сорока от него без ума, и в этом, как мне кажется, не ошибается – достаточно взглянуть на список его сердечных побед.

Мне пришлось говорить больше часа, и троица успела наполовину исписать свои блокноты. Я излагал только суть, ничего не утаивая, а порой и Вулф вставлял словечко-другое, но, конечно, лишнего мы не сообщали. Скажем, никто не упомянул, чем обычно угощает гостей за обедом Лили Роуэн. Если уж на то пошло, об этом я и Вулфу не докладывал. Вообще-то, он относился к ней не настолько снисходительно, как обычно притворялся, но все равно не стоило давать ему лишний повод выказать свое превосходство.

Я глотнул молока и сказал:

– Ну, теперь вопросы.

– Рано, – возразил Вулф, оглядывая слева направо сидевшую перед ним троицу. – Сначала необходимо охарактеризовать общую ситуацию. Арчи уже знает, узнал раньше меня от мистера Айгоу. Он видит и слышит меня каждый день. Ему известно, что впервые в жизни меня снедает неодолимое желание, которое я не в силах удовлетворить, то есть появилось нечто, мне недоступное. Знает, что я отдал бы все свои орхидеи – во всяком случае, большинство из них, – лишь бы получить возможность раскрыть козни и происки Ричарда Никсона. Однажды я надиктовал Арчи письмо с предложением моих услуг мистеру Яворски¹². Это письмо было перепечатано, но я решил его не отсылать и в итоге порвал. – Он взялся за бутылку, но передумал и не стал себе подливать. – Что ж, мистер Никсон лишился своего поста и больше не командует кораблем нашего государства, больше не является голосом власти для нас и голосом Америки для остального мира. Впрочем, история еще не завершилась. Думаю, раскапывать содеянное им будут целое столетие. Вы все слышали, что именно мистер Айгоу рассказал Арчи. Как по-твоему, Арчи, он морочил тебе голову?

– Нет, сэр, он говорил искренне.

– Тогда примем сказанное за факт. Возражений не будет? Я доверяю глазам и слуху Арчи. Не исключено, что существует некая связь между именем на нашем клочке бумаги и той паутиной событий и обстоятельств, которую принято именовать Уотергейтом. Также не исключено, что результатом этой связи стала насильственная смерть Харви Бассетта и Пьера Дюко. Господа, ваши услуги будут оплачены по обычным ставкам, и, разумеется, вам покроют все текущие расходы. Прошу не экономить без необходимости. Приближается конец года, а этот год был для меня довольно прибыльным даже в условиях нашей безумной экономики, так что вы меня не обремените. – Вулф сел прямее и положил ладони на подлокотники кресла. – Идем дальше. Вы всегда доверяли моим наставлениям и выполняли мои поручения без лишних вопросов. Но сейчас все иначе, ибо я не могу быть уверен в том, что мой интеллект не

¹² Л. Яворски – американский прокурор, второй обвинитель в расследовании Уотергейтского скандала.

поддался напору эмоций. Может статься, меня ведет призрачная мечта, и допущения, которые я делаю, далеко не безупречны. Арчи я уже спрашивал, теперь ваша очередь. Сол?

– Стоит рискнуть.

– Фред?

– Согласен, сэр.

– Орри?

– Поддержу Сола. Есть за что ухватиться.

Вулф кивнул:

– Сам я ни в чем не убежден, однако твердо намерен избличить негодяя, который убил Пьера Дюко и мог бы убить Арчи. Но не следует верить в меня безоглядно. Если у вас возникнут сомнения в моем здравомыслии, в целесообразности моих инструкций, не стесняйтесь об этом говорить. Я желал бы завершить это расследование, сохранив уважение к себе, и вы наверняка того же мнения. – Он откинулся на спинку кресла. – Итак, к делу. Если преступник – один из этих шестерых, то он был с Бассеттом в автомобиле в прошлую пятницу и сумел добраться до пальто Пьера позавчера, в понедельник. Не имеет значения, каковы были его мотивы. В этом отношении здравость моих суждений не важна, а эмоции тут ни при чем. Арчи выдал каждому из вас список с именами и сказал, что пятерых из этого списка можно отыскать в телефонном справочнике Манхэттена. Один из юристов, мистер Аккерман, указан в вашингтонском справочнике. Сол, ты начнешь с другого адвоката, мистера Джадда. Кто он такой, где обретается и прочее. Конечно, его самого спрашивать ни к чему. Если он узнает, что ты им интересуешься, то может заинтересоваться тобой в ответ. При необходимости советуйся с Арчи, он будет тут. Лучше Арчи, чем я, сам понимаешь.

– Понимаю, сэр. Можно вопрос?

– Слушаю.

– Вы сказали, что мы не должны слепо выполнять ваши инструкции. А что насчет Люсиль Дюко, дочери Пьера? Вы не забыли про нее, не увлеклись чересчур именами, которые узнали от Айгоу? – Сол покосился на меня. – Может, она видела этот клочок бумаги...

– Очень может быть.

– Мне ее расколоть?

– Попробуй, вдруг получится. Но я сомневаюсь.

Сол снова повернулся к Вулфу:

– Имя на бумажке не обязательно окажется одним из шести. И может не иметь никакого отношения к Уотергейту и Никсону. Вот почему вы, полагаю, забыли о Люсиль. Я все-таки попробую к ней присмотреться. Арчи-то смахивает на мужского шовиниста, в отличие от меня.

Губы Вулфа плотно сжались. Он сам спросил, конечно, однако выслушивать все это было непросто. Ну да, мне полагается его подначивать, это одна из моих многочисленных оплачиваемых обязанностей, но вот от парней – хотя бы от Сола – он такого подвоха явно не ожидал.

– Мы с Арчи это обсудим, – откликнулся Вулф. – Что касается мистера Джадда, в вопросах о нем смело сообщай, что интересуешься по моей просьбе. Он может возмутиться и явиться сюда выразить свое недовольство. Фред, ты начнешь с мистера Вилара. Раз уж он занимается тем, что двусмысленно именуется безопасностью, тебе не составит труда свести знакомство с его окружением. То, что я сказал Солу, относится и к тебе. Замечания будут?

– Нет, сэр. Арчи останется здесь?

– Да. Он снова навестит мистера Айгоу, приведет того сюда, если понадобится, но это не к спеху. Завтра он точно будет здесь. Орри, тебя, полагаю, хорошо знают в «Рустермане»?

– Ну... – Орри затянул паузу секунд на пять. – Бывал там с женой. Но не часто, мне это заведение не по карману.

– Два года назад, когда у сотрудников стали пропадать деньги из шкафчиков, Феликс попросил меня о помощи, а я направил тебя.

– А-а-а... Ну да.

– Значит, ты видел помещение для переодевания, а многие сотрудники видели тебя. В тот день пальто Пьера могло, разумеется, висеть где угодно, однако раздевалка – наиболее очевидное место. Узнай, не замечал ли кто посторонних в раздевалке. Арчи сообщит Феликсу, что ты придешь. Дождись одиннадцати, постарайся как можно меньше вмешиваться в их рутину. Не забывай, что бомбу вполне мог подложить и кто-нибудь из сотрудников. Мы с Арчи думаем, что это маловероятно, но возможность пока не исключается. Помни об обещании, которое мы дали Филипу, и о клочке бумаги не упоминай. Вопросы?

Орри покачал головой:

– Да все вроде бы понятно. Если что, у Арчи уточню. Но я вот что хотел сказать по поводу предыдущего. У Фреда семья, ему деньги нужны, а моей жене платят неплохо, и пару недель мы точно протянем. У меня самого есть счет к Никсону. Если вы покроете текущие расходы, я готов пожертвовать своим временем.

– Не стоит, – отрезал Вулф. – Это мое дело. Когда Арчи сказал, что тут замешаны семейные чувства, он ничуть не преувеличивал. Правда, он подразумевал просто, что у меня нет клиента, но...

– Я здесь живу, – перебил я. – Это я отвел Пьера в ту комнату. Так что дело действительно семейное.

Мысленно я ухмыльнулся. Орри такой предсказуемый! Решил, будто человек с бомбой в нашем доме – это мой промах, и предложил свои услуги, явно метя на мое место. Заметьте, я не говорю, что он глуп, вовсе нет.

– Черт, да я тоже с голода не умираю! – подал голос Фред. – У меня две семьи. Живу я не тут, но вы с Арчи, сэр, моя профессиональная семья.

– И моя, – добавил Сол. – Я сам оплачу свои накладные расходы.

– Пф! – бросил Вулф. – Я же сказал, это мое дело. Арчи, выдай им по пятьсот долларов каждому. Не исключено, что придется кого-то подкупать. Запиши, как обычно. Думаю, хотя бы частично мы получим налоговый вычет.

Я открыл сейф, достал коробку с наличностью, разложил деньги на три кучки – по десять двадцаток, двадцать десятков и двадцать пятерок подержанными купюрами. К тому времени, как я закончил, все члены семьи стояли, в том числе и Вулф. Когда троица прибыла, он всем пожал руки, но сейчас никто на рукопожатии не настаивал. Ребята знали, что Вулф этой привычки не одобряет. Они забрали деньги и отправились в прихожую за пальто.

Я проводил их, задвинул засов и вернулся в кабинет. Вулф держал в руках список имен и распечатку моего разговора с Айгоу. Наверное, будет перечитывать перед сном.

– Половина двенадцатого, надо же! – произнес он. – Я иду спать и тебе советую. Спокойной ночи.

Я пожелал ему того же самого и принялся убирать стаканы и бутылки.

Глава 8

В четверть одиннадцатого утром в четверг я вышел из Южной комнаты и закрыл за собой дверь, с которой наконец-то убрали ленту Нью-Йоркского департамента полиции. Ральф Кернер, сотрудник городской мэрии, захлопнул свой блокнот в обложке из искусственной кожи и сообщил:

– Надеюсь, к понедельнику мы подготовим оценку. Предупредите мистера Вулфа, чтобы готовился к худшему. Как ни крути, сегодня везде только худшее.

– Ну да. Мы готовы к расходам. А разве не полагается скидки за ремонт комнаты, где недавно убили человека?

Ральф засмеялся. Такое правило: всегда смейся шутке клиента, даже скверной.

– Надо, пожалуй, ее предусмотреть на будущее. Передам мистеру Орбаху. Значит, вы отвели его туда и оставили одного? – Он снова усмехнулся. – Хорошо, что сами ушли.

– Еще бы! Я, бывает, творю глупости, но не до такой же степени.

Спускаясь за Ральфом по лестнице, я воображал, как делаю ему подножку и он катится вниз по ступенькам.

С уборкой в кабинете я покончил, но появление Кернера оторвало меня от расследования. Я позвонил Натаниэлю Паркеру узнать насчет адвокатов Джадда и Аккермана, потом связался с нашим банком и расспросил о банкире Хане, потом справился у Лона Коэна насчет специалиста по безопасности Романа Вилара и лоббиста Эрнеста Уркхарта. На Айгоу сведений было достаточно, если, конечно, не появилось чего-нибудь новенького. Ха! Вдобавок на нижних полках нашлось семь справочников, на считая телефонных книг по пяти боро Нью-Йорка, Уэстчестеру и Вашингтону. Справочник директоров был открыт на букве «Н»: я проверял, не упомянут ли кто-нибудь из шести гостей, присутствовавших на обеде, в списках сотрудников «НАТЕЛЕК», когда в кабинет вошел Вулф.

На его письменном столе скопилась почта за три дня, и он взялся ее изучать. Как обычно, сначала бегло проглядывал и половину отправлял в мусорную корзину. Я, разумеется, проводил предварительный отбор, выбрасывал большинство рекламных проспектов и прочую ерунду. Почти на все стоящие письма он отвечал собственноручно, в особенности на написанные от руки, поскольку, как он однажды мне объяснил, каждое такое письмо есть выражение вежливости. Остальные же ответы он попросту надиктовывал мне. Ему нравится диктовать. Когда я как-то сказал это вслух, он кивнул и заметил, что, доведись ему писать письма самому, корреспонденты рисковали остаться вообще без ответа. Я указал, что это было бы невежливо с его стороны, на что он разразился очередной речью из тех, от которых у меня волосы встают дыбом. Короче, мы ответили на два десятка писем, три или четыре из которых, по обыкновению, были от коллекционеров и охотников за орхидеями, и время от времени отвлекались на телефонные звонки – от Паркера, Лона Коэна и Фреда Даркина. В очередной раз повернувшись в кресле, я поразился: Вулф подошел к книжным полкам и взял «Илиаду» в переводе Фицджеральда¹³. В почте обнаружилась новая книга Герблока¹⁴ «Специальный репортаж» с дарственной надписью и доброй тысячей карикатур на Никсона, но, по всей видимости, Вулф утратил интерес к этой книге и рисункам, ведь он и так расследовал дело, связанное с Никсоном. В общем, он вернулся за свой стол и стал читать про фальшивого коня вместо фальшивого государственного деятеля.

¹³ Имеется в виду перевод «Илиады», выполненный американским поэтом и критиком Р. Фицджеральдом (опубл. 1974). Другие переводы, о которых идет речь далее, – это, вероятно, переводы Р. Латтимора (1951), Р. Грейвса (1959) и Э. Риса (1963).

¹⁴ *Герберт Л. Блок, или Герблок*, – американский художник, автор множества карикатур на злободневные внутри- и внешнеполитические события.

От ланча Вулф не отказался. Сначала мозговые кнели, а потом зобная железа теленка, сваренная в белом вине, обваленная в панировочных сухарях и взбитых яйцах, затем обжаренная и политая миндально-масляным соусом. Мне доводилось пробовать это блюдо в «Рустермане», где оно значится в меню как *ris de veau amandine*¹⁵, но у Фрица получается намного вкуснее. Хотя, конечно, до Вулфа с его вкусовыми сосочками мне расти и расти, это я твердо знаю – он сам мне говорил.

После ланча мне показалось, что мы вернулись к привычному распорядку жизни. Теодор принес подборку сведений о произрастании и цветении орхидей, а я внес эти сведения на карточки. Привычная повседневность, неделя за неделей; два процента растений – именно столько Вулф продает – приносят доход, а прочие идут по расходным статьям, заодно с третью моего рабочего времени. Вулф выслушал доклад о моих утренних расследованиях, которые не дали никакого результата, и углубился в сравнение перевода Фицджеральда с тремя другими переводами, которые тоже имелись у нас на полках. Ему пришлось потрудиться, так как эти книги стояли на верхней полке и он был вынужден взобраться на стул. В четыре часа он отправился в оранжерею. Со стороны могло показаться, будто у нас нет ни малейших забот. От членов семьи известий не поступало, а Вулф не удостоил «Специальный репортаж» Герблока даже мимолетного взгляда. Правда, мои ноги и легкие усиленно просились на улицу, а руки устали стучать по клавишам, но у Сола, Фреда и Орри не было при себе переносных раций, поэтому я вынужден был сидеть на месте.

В шесть часов лифт жалобно заскрипел и пополз вниз, но жалоба механизмов продлилась всего четыре секунды. Вулф остановил кабину выше, чтобы заглянуть в Южную комнату, где не был с ночи вторника. Минуло почти десять минут, прежде чем скрип раздался снова, то есть он хорошенько осмотрелся в развалинах. Когда Вулф вернулся в кабинет и сел за стол, то заявил, что моя догадка насчет полутора тысяч долларов за ремонт представляется необоснованной, если учесть, как выросли цены буквально на все, от сахара до штукатурки. Я в ответ восхитился его умением складывать слова – мол, вы ухитрились соблюсти аллитерацию через «р» в простом сравнении. Он притворно отмахнулся от похвалы и занялся письмами. У него, кстати, есть привычка перечитывать свои тексты не для того, чтобы найти ошибки – их по определению быть не может, – а чтобы дать понять, что, случись мне допустить помарку, та непременно будет замечена.

Без десяти семь, когда я заклеивал конверты, зазвонил телефон. Я снял трубку:

– Резиденция Ниро Вулфа, Арчи Гудвин у аппарата.

Ну да, до шести вечера – кабинет, а после шести – уже резиденция. Не хочу, чтобы люди думали, что я тружусь с утра до вечера. Ведь в большинстве контор рабочий день заканчивается в пять.

– Могу я поговорить с мистером Вулфом? Меня зовут Роман Вилар. В-И-Л-А-Р.

Я прикрыл микрофон ладонью и повернулся к Вулфу:

– Фред одного спугнул. Это Роман Вилар, пресловутая безопасность. Хочет поговорить с мистером Вулфом. Ударение на первом слоге, кстати.

– Понятно. – Вулф снял трубку своего аппарата, а я остался слушать. – Говорит Ниро Вулф.

– Это Роман Вилар, мистер Вулф. Вы вряд ли обо мне слышали, а вот я о вас слышан, разумеется. Но нет, вы все-таки обо мне знаете, по крайней мере, знает ваш человек Гудвин. Он общался вчера с Бенджамином Айгоу.

– Да, мистер Гудвин мне рассказывал.

¹⁵ Зобная железа с миндалем (*фр.*).

– Естественно, он же должен был доложить вам то, что узнал от мистера Айгоу. А мистер Айгоу связался со мной и пересказал свою беседу с Гудвином. Я сообщил остальным, и мы все собрались вместе у меня в квартире. Мистер Айгоу и еще четверо. Позвольте задать вопрос?

– Да. Возможно, я вам отвечу.

– Благодарю. Вы известили полицию или окружного прокурора о том, что Гудвин узнал от мистера Айгоу?

– Нет.

– Спасибо за прямоту. А намерены известить? Нет, простите, что спросил. Нелепо ожидать, что вы поделитесь со мной своими намерениями. Мы обсуждали ситуацию, и один из нас собирался прийти к вам и пообщаться лично, однако мы решили в итоге, что пойдем все вместе. Не сейчас, конечно, вы ведь обедаете или готовитесь к обеду. Вас устроит в девять часов?

– Здесь? В моем кабинете?

– Конечно.

– Адрес вы знаете?

– Конечно.

– Вы сказали – еще четверо. Кто именно?

– У вас есть имена. Мистер Айгоу передал список Гудвину.

– Хорошо. Ждем вас к девяти.

Вулф повесил трубку, и я последовал его примеру.

– Требую повышения зарплаты, – сказал я. – Вчера мой рабочий день начался в четыре утра. Конечно, инфляция разгулялась, а президент Форд требует от нас умеренности и добровольных ограничений, но недаром говорят, что человек достоин своего жалования. Мне понадобилось всего десять минут, чтобы заставить Айгоу сознаться.

– «Ибо трудящийся достоин награды за труды свои»¹⁶. Библия, Евангелие от Луки. Наша троица вызвалась трудиться бесплатно, а ты хочешь прибавки, хотя это ты впустил Пьера в мой дом.

Я кивнул:

– А вы, когда он мертвый лежал на полу посреди разбросанной вокруг штукатурки, сказали: «Тебе и так придется». Однажды мы с вами обсудим это подробно, но не сейчас. Мы ведь беседуем, лишь чтобы показать, какие мы разные. Будь мы обычными людьми, давно бы уже пожимали руки, улыбались друг другу или танцевали джигу. Ну, ваша очередь.

Вошел Фриц. Перед тем как подавать еду, он обычно делает три шага – никогда четыре. Но, завидев нас, он замер и произнес:

– Что-то стряслось.

Черт подери, мы и вправду разные! Фриц отлично это знает. Кому знать, как не ему.

Прежде чем направиться в столовую, я набрал номер Сола, дождался сигнала автоответчика и наговорил сообщение: дескать, на еженедельную нашу партию в покер не успеваю, шлю привет Лону Коэну.

¹⁶ Лк. 10: 7.

Глава 9

Единственным зримым свидетельством того, что у нас гости, было присутствие шестерых мужчин, сидевших в креслах. Поскольку дело было семейное, а не стороннее, о нем можно было говорить за столом, так что, когда опали языки коньячного пламени на жареной утке а-ля мистер Ричардс, Вулф разрезал птицу, а Фриц передал мне мою порцию и забрал свою, мы обсудили, не поставить ли в кабинете столик с закусками, но решили этого не делать. Иначе гости подумают, что им тут рады и желают всяческого благополучия, а это если и правда, то лишь наполовину. Да, мы были им рады, но добра вовсе не желали – во всяком случае, одному из них.

Чужаку, вошедшему в кабинет, с первого взгляда стало бы понятно, что красное кожаное кресло занимает центральное место. Я предполагал усадить в него Бенджамин Айгоу, но тип с роскошной гривой светлых волос и пронзительно-серыми глазами уселся туда раньше, чем назвал свое имя. Это оказался лоббист Эрнест Уркхарт. Они все представлялись Вулфу, прежде чем сесть; остальные пятеро расположились в желтых креслах, расставленных двумя рядами, лицом к столу Вулфа, трое спереди и двое сзади, вот так:

ВУЛФ

УРКХАРТ

Я

ДЖАДД

АККЕРМАН

ВИЛАР

АЙГОУ

ХАН

– Извините, если показался вам высокомерным или дерзким, мистер Вулф, – сказал Уркхарт. – Я занял это кресло только потому, что джентльмены, которых вы видите перед собой, решили: раз уж мы все любим поговорить, надо выбрать одного из нас, который отвечал бы за всех. Выбор пал на меня. Сами понимаете, это не из-за того, что прочие немые. В конце концов, двое из них юристы, а я не могу повторить за сэром Томасом Мором, что решительно отвергаю всех адвокатов.

Неудачное начало. Вулф не терпит любителей цитат, да и к Мору относится критически, благо тот посмел очернить Ричарда III¹⁷. Интересно, а Уркхарт на самом деле лоббист? Выглядел он скорее как доброжелательный и снисходительный церковник. Может, именно потому, что поднаторел в лоббизме. И голос у него был соответствующий.

– У нас вся ночь впереди, – отозвался Вулф.

– О, надеюсь, мы управимся быстрее. Очень хотелось бы. Как вы, должно быть, уяснили из сказанного мистером Виларом по телефону, нас чрезвычайно заботит то, что мистер Айгоу поведал мистеру Гудвину относительно мистера Бассетта, а также линия рассуждений мистера Гудвина. Честно говоря, нам эти домыслы видятся беспочвенными, и...

– Хватит! – перебил его своим сочным баритоном Айгоу. – Черт побери, я ведь просил!

– Эрни, мы же договорились, – добавил Аккерман.

¹⁷ Имеется в виду «История короля Ричарда III» Т. Мора, во многом утвердившая в обществе выгодное сопернику Ричарда, Генриху VII, представление о Ричарде как о тиране, узурпаторе и убийце.

Фрэнсис Аккерман, адвокат из Вашингтона. Лично у меня и в мыслях не было приплетать сюда Уотергейт (без меня желающие найдутся), но, когда они цепочкой заходили в дом, этот тип, с его отвислыми щеками и скошенным подбородком, показался мне улучшенной копией Джона Митчелла¹⁸. Раз он назвал Уркхарта «Эрни», отсюда следовало, что он из тех адвокатов, которые на короткой ноге с лоббистами. По крайней мере, с одним лоббистом.

Уркхарт кивнул. Не Аккерману, не Айгоу, не Вулфу – просто кивнул, и все.

– Простите, заболтался, – сказал он Вулфу. – Прошу забыть мои последние слова. И так, нас заботят потенциальные последствия того, о чем мистер Айгоу рассказал мистеру Гудвину. Вдобавок он назвал наши имена, а сегодня о двоих из нас кто-то наводил справки – очевидно, по вашей просьбе. Правильно? Это вы своих людей послали?

– Да.

– Значит, признаете?

Вулф погрозил ему пальцем. Какая неожиданность! Я был уверен, что он отделался от этой привычки пару лет назад.

– Не стоит, мистер Уркхарт. Искать в любых словах признание – один из старейших и грязнейших адвокатских трюков, а вы не адвокат. Таково мое утверждение.

– Проявите снисхождение. Мы не просто озабочены, мы встревожены. Нас посещают некоторые опасения. Мистер Гудвин сказал мистеру Айгоу, что за обедом в «Рустермане» один из нас якобы вручил мистеру Бассетту клочок бумаги, и...

– Нет.

– Прошу прощения?

– Он сказал мистеру Айгоу, что Пьер Дюко уверял, будто видел, как кто-то из вас передал мистеру Бассетту клочок бумаги. Это единственный факт, о котором Пьер счел нужным упомянуть, и потому мы считаем его важным.

– Важным с какой точки зрения?

– Не знаю, но именно это мы намерены выяснить. Через неделю после вашего обеда мистера Бассетта застрелили. Через десять минут после того, как Пьер сообщил мистеру Гудвину, что видел, как кто-то передал записку мистеру Бассетту на том обеде, он погиб от взрыва бомбы в моем доме. Заметьте, ничего другого он сообщить не успел. Скажите, мистер Уркхарт, это вы вручили мистеру Бассетту записку за обедом?

– Нет. Я хотел бы...

– Достаточно одного «нет». – Вулф повернул голову. – Это были вы, мистер Джадд?

– Нет.

– Вы, мистер Аккерман?

– Нет.

– Вы, мистер Вилар?

– Нет. Я...

– Вы, мистер Хан?

– Нет.

– Мистер Айгоу, вы уже ответили мистеру Гудвину отрицательно, однако я спрошу снова: это были вы?

– Ха! Нет.

Вулф обвел взглядом слева направо всех присутствующих:

– Что ж, господа, я в затруднительном положении. Либо Пьер Дюко солгал мистеру Гудвину, либо лжет один из вас. Не думаю, что Пьер приврал, ибо какая ему от того выгода? Позвольте следующий вопрос. Видели ли вы, как кто-то из вас передает мистеру Бассетту

¹⁸ Джон Митчелл – генеральный прокурор США при президенте Р. Никсоне; после расследования Уотергейтского скандала был приговорен к тюремному заключению.

записку за обедом? Предупреждаю сразу, новые «нет» мне не нужны, я хочу услышать «да». Кто-нибудь готов высказаться?

Ответом было молчание. Потом Роман Вилар произнес:

– Жаль, что нельзя спросить у Пьера. Он, к сожалению, мертв.

Вилар, связанный с безопасностью, обладал запоминающейся внешностью – сплошные углы: угловатый подбородок, крючковатый нос, острые уши, даже плечи угловатые. Похоже, он был моложе всех – навскидку чуть за сорок. Его замечание по поводу Пьера лично мне напомнило наставления Вулфа в среду утром, когда я собирался искать эту шестерку. Тогда я и не подозревал, сколько пыли можно поднять одной маленькой ложью. Пожалуй, еще кто-нибудь повторит, что Пьер будто бы сказал мне, что видел, как Бассетту за обедом передавали записку, – и я поверю в это сам.

– Верно, Пьер Дюко мертв, – согласился Вулф. – Я видел его, без лица, уничтоженного взрывом. И жаль, что мы не в силах его расспросить. В противном случае все вы здесь бы не сидели. Я бы пригласил кого-нибудь одного. – Он повернулся к Уркхарту. – Вы сказали, что вас заботит не только утверждение мистера Гудвина в беседе с мистером Айгоу, но и слова самого мистера Айгоу. Меня тоже. Потому-то я и поручил навести о вас справки – обо всех без исключения. Мистер Айгоу рассуждал об «одержимостях». Я подобным не страдаю, но испытываю болезненное пристрастие к проделкам Ричарда Никсона и его присных. Насколько я понимаю, целью вашей встречи за обедом было обсуждение этого вопроса. Верно?

– Можно сказать и так...

– Замолчите, Уркхарт! Вулф, наш разговор записывается?

Это Альберт О. Джадд, второй адвокат. По виду почти ровесник Вилара, выглядит прилизанным, но не скользким и явно отвалил немало денег за покрой и подгонку своего светло-серого костюма, ткань которого как бы намекала на полоски, но на самом деле никаких полосок не было. Красота!

Вулф пристально посмотрел на него:

– Вы должны сознавать, мистер Джадд, что такой вопрос обоснован, только если тот, кто его задает, верит тому, кто отвечает. Но с какой стати вам верить мне? Вы же не ждете, что я скажу «да». И какой вам прок в моем отрицании? Впрочем, я все-таки отвечу. Нет, разговор не записывается. – Он снова оглядел собравшихся, от Джадда до Уркхарта. – Мистер Вилар спрашивал меня по телефону, известил ли я полицию или окружного прокурора о том, что мистер Айгоу рассказал мистеру Гудвину. Я ответил отрицательно. Он уточнил, собираюсь ли я это сделать, но потом поправился и признал, что не вправе ждать от меня искреннего ответа. Но я опять-таки отвечу. Снова «нет». В настоящее время я не намерен извещать кого-либо. Я хочу выяснить, кто убил Пьера Дюко, и у меня есть основания полагать, что в ходе расследования я узнаю, кто убил Харви Бассетта. – Он поднял руку ладонью вверх. – Господа, я прекрасно понимаю, зачем вы пришли. На текущий момент представители закона никоим образом не подозревают вас в причастности к убийству. Точнее, к двум убийствам. Разумеется, они изучали перемещения и действия мистера Бассетта непосредственно перед его кончиной, но мы с вами знаем, что покойный вел активную светскую жизнь, поэтому полиция вряд ли обратила внимание на тот обед за неделю до гибели Бассетта. Знай копы то, что известно мне, они не просто предположили бы, что кто-то из вас может быть замешан, нет, вы стали бы главными подозреваемыми. – Вулф повернулся в мою сторону. – Твой блокнот, Арчи.

Я взял блокнот и ручку. Вулф закрыл глаза, открыл их, убедился, что я готов, и закрыл снова:

– Не на бланке, на обычной бумаге. Всего-навсего список вопросов. Как давно вы были знакомы с мистером Бассеттом и как охарактеризовали бы ваши с ним отношения? Почему вас пригласили на встречу по поводу предполагаемых технических махинаций Ричарда Никсона с магнитофонами? Вы знали, что Никсон, по мнению мистера Бассетта, «испортил» магнито-

фоны? Согласны ли вы с этим утверждением? Участвовали ли вы в какой-либо деятельности, так или иначе связанной с Уотергейтским скандалом, и если да, то в какой именно? Контактывали ли вы когда-либо с кем-то, кто был причастен к Уотергейту? Известно ли вам, хотя бы по слухам, о причастности кого-то из других гостей на обеде к Уотергейтскому скандалу, и если да, то откуда? Что вы делали и где были вечером в прошлую пятницу, двадцать пятого октября, с шести вечера до двух часов ночи? Где вы были и что делали в понедельник, двадцать восьмого октября, с полудня до полуночи? – Вулф открыл глаза. – Шесть копий. Нет, пяти хватит, нам своя не нужна. Не спеши. – Он повернулся к гостям. – Вот, господа, те вопросы, которые вам непременно зададут. Либо я, либо полиция. Выбирайте, кому отвечать. Вы должны понимать...

– Это уже слишком! Слишком, Вулф! Я старший вице-президент четвертого по размеру капитала банка в Нью-Йорке! Мы заплатим вам сто тысяч долларов за то, что вы возьметесь представлять наши интересы. Половину завтра наличными, выплата остатка гарантируется – возможно, всеми присутствующими и лично мной. Но устно. Без письменного подтверждения.

Голос Уилларда К. Хана был вроде и негромким, но того сорта, когда слышишь и разбираешь каждое слово. Выглядел он... квадратным, прямой противоположностью угловатому Вилару. Квадратная челюсть, квадратные плечи, будто его из камня вытесали.

Вулф поглядел на него сверху вниз:

– Неудачное предложение, мистер Хан. Если это гонорар, то он чересчур высок. Если это взятка, то маловато.

– Это гонорар. Говорите, много? Вы же сами только что сказали, что нам грозит стать главными подозреваемыми в деле об убийстве! Вилар утверждал, что вы берете дороже всех в Нью-Йорке. Если мне что-то нужно, я нахожу это и плачу. С Харви Бассеттом я был знаком двадцать лет. Он был надежным и прибыльным клиентом моего банка. Теперь он мертв. Бен Айгоу считает, что он был одержим Ричардом Никсоном, и это правда, но это далеко не единственная одержимость, уж поверьте. Когда я услышал о его смерти, узнал, как он погиб, моя первая мысль была о его жене – точнее, о его одержимости этой женщиной. Вы ведь...

– Черт побери, Хан, уймись! – Снова сочный баритон Айгоу. – Так и знал, что вы ее впутаете!

– Еще как впутаю! Это Харви ее впутал, постоянно с собой водил, вы должны помнить. Он бы постарался ее втянуть или, наоборот, удалить. – Хан развернулся к Вулфу. – Та записка, тот клочок бумаги... Если кто-то из нас действительно передал Харви записку, речь в ней шла вовсе не о Никсоне и магнитофонных лентах. Это мы и так обсуждали вслух – и Никсона, и магнитофоны, – зачем еще записки писать? По всей видимости, вы считаете, что записка как-то связана с его убийством. Если да, в ней сообщалось другое. Я сам ничего не знаю, ничего не слышал до тех пор, пока Бен Айгоу не передал мне слова Гудвина. А тогда я сказал... Что я сказал, Бен?

– Что, скорее всего, писали насчет Доры. Ха! Именно так.

– Думаю, надо вернуться к тому, ради чего мы все здесь собрались, – вмешался Роман Вилар. – К списку вопросов. Мистер Вулф, вы утверждаете, что нам придется отвечать либо вам, либо полиции. Если вам, то прямо сейчас? Прямо тут?

– Нет, – сказал Вулф. – Даю вам сутки. Вы явились ко мне незваными, я вас не приглашал. Разумеется, я предполагал встретиться с вами, но поодиночке, изучив доклады моих людей, которых я отправил наводить справки. Наверное, стоит...

– Меня одного вы не дожидаетесь, – перебил вашингтонский юрист Аккерман; голосом он тоже смахивал на Джона Митчелла, когда тот выступал по телевидению. – Вообще не дожидаетесь. Я поражен тем, что вы как будто не понимаете, к чему нас принуждаете. Вы фактически заставляете нас участвовать в сокрытии сведений, причем не в сокрытии взлома с целью изучения каких-то там документов, а в сокрытии убийства. Или двух убийств, если цитировать

ваши слова. Конечно, я не желаю быть вовлеченным в расследование убийства, никто этого не захочет, но я твердо знаю, что невиновен. А в вашем толковании, если с ним согласиться, получается, что я виновен. Соккрытие убийства. Препятствование правосудию. Уркхарт спрашивал, записывается ли наш разговор. Надеюсь, что все-таки записывается. Когда я предстану перед окружным прокурором, то с удовольствием расскажу ему об этой записи, и он...

– Нет! – прервал Аккермана банкир Хан; никогда бы не подумал, что таким тихим голосом можно прервать хоть кого-то. – Вы не станете беседовать ни с окружным прокурором, ни с кем-либо еще. Я не юрист, но, на мой взгляд, нам нельзя вменить в вину препятствование правосудию лишь на том основании, что какой-то частный детектив уверяет, будто некий человек что-то там сказал о клочке бумаги. Я не хочу участвовать в расследовании убийства, полагаю, все прочие меня в этом поддержат...

Тут раздалось сразу два или три голоса, уже не таких тихих. Можно было бы попытаться разобраться, кто конкретно что сказал, но я не стану этого делать, потому что толку никакого не будет. Вулф же просто сидел и наблюдал. Я перехватил его взгляд и показал сначала на блокнот, затем на пишущую машинку, но он покачал головой.

Впрочем, общее смятение кое во что вылилось. Когда стало понятно, что большинство поддерживает Хана, а Аккерман остался в гордом одиночестве, Вулф прекратил незатихающий спор громким возгласом:

– Господа! Возможно, я вам помогу. Мистер Аккерман – член коллегии адвокатов. Я к таковым не отношусь, однако его позиция представляется мне шаткой. Быть может, после Уотергейта он начал чрезмерно остро воспринимать любые формы сокрытия сведений. Четверых его коллег лишили статуса, многих других эта участь еще ожидает. Но вас нельзя обвинить в препятствовании правосудию только на основании слухов. Возможно, в этом обвинят меня, но риск, который я принимаю, вас не касается. Если мистер Аккерман обратится к окружному прокурору, меня ждут неприятности, но не исключено, что он и сам о том пожалеет, не важно, виновен он или нет. – Он бросил взгляд на настенные часы. – Уже одиннадцатый час. Как я сказал, мне нужно побеседовать с каждым из вас по отдельности. Мистер Аккерман, вы, полагаю, возвращаетесь в Вашингтон? Почему бы не задержаться у нас? А остальных мы отпустим.

– Нет, – возразил Хан. – Повторяю свое предложение. Сто тысяч долларов.

Снова началась перебранка, в которую втянулись все, кроме Аккермана и Вилара. Воспроизводить ее я не собираюсь. Трое вскочили на ноги. Уркхарт выпрыгнул из красного кожаного кресла и присоединился к ним, а я поднялся и направился к двери в прихожую. Вновь победило большинство. Когда ко мне подошли Вилар и Айгоу, наконец подал голос Вулф:

– Я дам вам знать, господа. Всем вам. Мистер Гудвин свяжется с вами от моего имени. Он позвонит и договорится о встрече в удобное для вас и для меня время. Мне более всего подходят одиннадцать утра, шесть и девять вечера, но при необходимости я готов подстроиться. Не хочу затягивать это дело, и вы, думаю, разделяете мое отношение. Поэтому...

Остаток речи Вулфа я пропустил, поскольку Айгоу двинулся к выходу, и я поспешил подать ему пальто и шляпу.

Когда пятеро гостей ушли, дверь была закрыта на засов и я вернулся в кабинет, Аккерман восседал в красном кожаном кресле, откинувшись на спинку и скрестив ноги. Это кресло подходило ему по размерам куда лучше менее просторных желтых.

– ...Но вы обо мне ничего не знаете, кроме того, что я похож на Джона Л. Митчелла.

Он не только признавал свое сходство, но и не преминул упомянуть инициал. Молодец!

– Мне говорили, что вы уважаемый и достойный член коллегии адвокатов, – заметил Вулф.

– Разумеется. Мне ни разу не ставили на вид и не лишали статуса. Уже двадцать четыре года, как я владею офисом в Вашингтоне. Уголовными делами я не занимаюсь, поэтому меня не просили участвовать в процессах Дина, Холдемана, Эрлихмана, Колсона, Магрудера, Ханта,

Сегретти¹⁹ или Никсона, если уж эта фамилия столько раз всплывала. Вы что, в самом деле хотите, чтобы я ответил на ваши вопросы по списку?

– Может, на все отвечать и не придется. Почему вас пригласили на этот обед?

– Тут все непросто... Альберт Джадд – главный юридический консультант «НАТЕЛЕК».

Пять лет назад он улаживал для них налоговый спор, и ему понадобился человек в Вашингтоне. Он нашел меня. Так я познакомился с Харви Бассеттом. Он решил, что компании нужен хороший лоббист, и я привлек Эрнеста Уркхарта, одного из лучших в своей области. С ним мы знакомы много лет, но сегодня вечером он меня разочаровал. Он умеет говорить красиво и убедительно, это я хорошо знаю, но сегодня он явно был не в ударе. Прочих троих, банкира Хана, специалиста по безопасности Вилара и Айгоу, я никогда раньше не встречал. Но знал, конечно, что Айгоу – вице-президент компании.

– То есть рассуждения Хана и Айгоу относительно миссис Бассетт были для вас пустым звуком?

Я вопросительно изогнул бровь. А какая здесь связь с Уотергейтом и записями?

– Нет. То есть да. Я... – Аккерман махнул рукой. – Так, разные слухи...

– Какого рода? Каковы их источники?

Я давно пытаюсь отучить Вулфа от этого «каковы». Так изъясняются только высокородные снобы, старики и школьные учителя. Но он ведь упрямый.

Аккерман вздернул подбородок:

– Вулф, я согласился задержаться у вас только ради своих товарищей, в первую очередь ради Уркхарта и Джадда. Альберт позвонил мне вчера вечером, после разговора с Айгоу, и я прилетел утренним рейсом в Нью-Йорк, чтобы пойти с ним на ланч. От него я узнал о Бассетте кое-что, чего не подозревал ранее, в том числе об одержимости – Альберт употребил слово «мания» – женой. Но не ждите, что я стану распространять слухи. Спросите Джадда.

– Спрошу, будьте уверены. Вам было известно об отношении Бассетта к Никсону?

– Да. Несколько месяцев назад они с Джаддом приезжали в Вашингтон по поводу патентов, а я в этом кое-что понимаю, и мы целый вечер обсуждали Никсона и его записи. Бассетту почему-то взбрело в голову, что Никсона можно засудить за моральный ущерб: дескать, он нанес производителям электроники урон на десять миллионов долларов, используя технику в криминальных целях. Отговорить Харви никак не получалось, он словно обезумел. Уж не знаю, что там с его женой, но вот насчет Никсона у него точно был пунктик. Впрочем, без такой приверженности делу он ничего не добился бы в бизнесе.

– Так что вы решили на встрече за обедом?

– Ровным счетом ничего. Бассетт убеждал Вилара заявить, что чрезвычайно трудно уговорить руководство корпораций заключать контракты на применение технологий обеспечения безопасности и наем соответствующего персонала, поскольку, мол, Никсон сделал электронному оборудованию дурную рекламу. От Уркхарта он хотел услышать, что, когда пытаешься лоббировать любые инициативы в области электроники, никто на Холме²⁰ не желает тебя слушать. А Айгоу просил сказать, что электронщики всех уровней, от нижнего до верхнего, бросают работу и замены им нет. От нас с Джаддом он ждал слов, что все перечисленное дает основания для выдвижения иска. Одному Богу известно, чего он требовал от Хана – может, просил беспроцентный кредит в пару миллионов долларов на свой крестовый поход.

Вулф не сводил взгляда с юриста.

– Взрослые люди, предположительно трезвомыслящие, всерьез обсуждают такую чушь? Или вы крепко выпили?

¹⁹ Сотрудники администрации президента Никсона, замешанные в Уотергейтском скандале.

²⁰ Имеется в виду Капитолий – здание конгресса США на Капитолийском холме в Вашингтоне.

– Ничего подобного. Мы с Джаддом отказались даже от мартини, так как знали, что Бассетт выставит «Монраше» и «Шато Латур». Он всегда заказывает эти вина. Знай вы Харви Бассетта лично, то поняли бы, что он способен продать лед эскимосам. Кроме того, минимум для двоих из нас он был основным источником доходов, а тому, кто тебе платит, в глаза не плюют. Ты ешь жареного фазана, пьешь «Шато Латур» и притворяешься, что внимательно слушаешь. Так поступает большинство. Так поступаю я. Из того, что мне доводилось слышать о вас, вы, полагаю, ведете себя иначе.

– Все дело в стиле. У меня есть собственный стиль. И уважение к источнику своих доходов. В моем случае...

– Как и у меня, у вас разные клиенты в разных делах. Кто ваш клиент на сей раз?

– Я сам. Лично. Мне прищемили нос. Меня унизили. Пьера Дюко убили в спальне моего дома. Человек, который это сделал, должен заплатить. Это...

– Тогда почему вы утаиваете улики от полиции?

– Потому что такова моя работа. К тому же кто сказал, что это улики? Я пытаюсь установить истину. Позвольте следующий вопрос: кто-либо из ваших клиентов как-то связан с Уотергейтским скандалом?

– Все в Вашингтоне так или иначе связаны с Уотергейтом. Если я и преувеличиваю, то совсем чуть-чуть. У всех присяжных наберутся тысячи родственников и друзей... Но ни один мой нынешний или прошлый клиент не был напрямую замешан в этом скандале. Понимаю, задавать вопросы полагается вам, а не мне, но не могу удержаться. Вы действительно верите в то, что один из нас шестерых убил Харви Бассетта? Или был каким-то образом причастен к убийству второй жертвы?

– Разумеется, верю. Я плачу трем своим людям по сорок долларов в час, чтобы они раз узнали вашу подноготную. Кстати, вы не знаете, связан ли кто-либо из присутствовавших на обеде с Уотергейтом?

– Насколько мне известно, нет. Будь я Холдemanом, то сказал бы «насколько помню», но я не Холдeman.

– Где вы были и что делали в прошлую пятницу, двадцать пятого октября, между шестью вечера и двумя часами ночи?

– Вы серьезно? Я запомнил подробности, потому что той ночью погиб Бассетт. Я был дома, в Вашингтоне. С девяти вечера мы играли в бридж с женой и двумя друзьями. Игра завершилась за полночь. По субботам я обычно сплю долго. В девять утра жена разбудила меня новостью об убийстве Бассетта. Когда там произошло другое убийство? В понедельник? Я был в своем офисе в Вашингтоне. Следующий вопрос.

Вулф любит повторять, что не существует неопровержимого алиби, но, надеюсь, он не заставит меня искать доказательства против Аккермана. Да, жена и друзья – еще те свидетели, но как быть с понедельником, который нас по-настоящему интересует?

Он посмотрел на часы на стене. Восемь минут двенадцатого.

– Пора спать. Вы твердо намерены обратиться к окружному прокурору?

Аккерман покачал головой:

– Вы сами слышали, что говорили другие, в первую очередь Джадд. Он с вами согласен: мы располагаем исключительно слухами, да и те получены от вас. Я тоже хочу спать и не отказался бы успеть на полуночный рейс в Вашингтон.

– Тогда прошу прощения. – Вулф отодвинул кресло и грузно поднялся. – Я отправляюсь в постель.

Он двинулся к двери. Аккерман встал, бросил мне: «Чертов урод» – и вышел в прихожую.

Глава 10

Когда в одиннадцать утра в пятницу Вулф спустился в кабинет, в красном кожаном кресле уже сидел Роман Вилар.

Для меня утро выдалось довольно бодрым и началось с телефонных звонков от нашей троицы. Я рассказал им о вчерашней вечерней встрече и добавил, что в наших планах ничего не меняется: Сол следит за Джаддом, а Фред за Виларом. Орри, как выяснилось, зря потратил время на опрос работников «Рустермана». Никто из них не видел никого постороннего в раздевалке в понедельник ни днем, ни вечером. Получив указания от Вулфа, который пообщался со мной по домашнему телефону, когда я пошел на кухню завтракать, я велел Орри заняться Бенджамином Айгоу.

Потом было три звонка. Лон Коэн посетовал, что меня не было на последней игре в покер – мол, не продул, как обычно. Врал, негодяй! Я выигрываю ничуть не реже, чем он, почти так же часто, как Сол Пензер. Лон спросил, когда я буду готов поделиться новостями. Билл Венгерт из «Таймс» исподволь намекнул, что я могу рассчитывать на короткую заметку на странице 84, если сообщу ему – и никому другому – подробности расследования. А из офиса Фрэнсиса Аккермана в Вашингтоне передали, что, если Вулфу понадобится вновь увидеть мистера Аккермана, просьба предупредить об этом хотя бы за день до намеченной встречи. И прибавили, что наши телефон и кабинет могут прослушиваться. Да, Уотергейт и впрямь лишил юристов душевного покоя.

Кремер молчал, окружной прокурор тоже помалкивал. Около десяти утра я в третий раз набрал номер Романа Вилара, и наконец мне улыбнулась удача: он сказал, что ему придется отменить две встречи, но к одиннадцати будет.

Дальше я занялся повседневными делами, заодно подготовил на подпись Вулфу чек на три тысячи долларов – наличности в сейфе почти не осталось, когда мы снабдили деньгами нашу троицу, – и отстриг ноябрьские купоны от пачки муниципальных облигаций, аккуратно сложенных в верхнем, запиравшемся на собственный замок отделении сейфа. Работая ножницами, я корчил гримасы: доходность этих облигаций составляла 5,2 процента, тогда как высокодоходные и свободные от налогообложения муниципальные бонды оборачивались под 8 процентов. Жизнь заставляет крутиться, если ты вынужден, как приходится Вулфу, отдавать государству пятнадцать процентов дохода, раз уж тебе выпало зарабатывать больше среднего. Вот и отстригаешь купоны или поручаешь это дело Арчи Гудвину, пока сам пестуешь свои орхидеи.

Роман Вилар, как оказалось, далеко не мальчик на побегушках. Фред доложил, что компания «Вилар ассошиэйтс» – крупнейшая, пожалуй, и самая известная в сфере промышленной безопасности. Чтобы добраться до Романа по телефону, мне пришлось прорываться через двух секретарей. А беседа у нас в кабинете началась вовсе не с наводящих вопросов. Нет, Вилар предложил Вулфу, а заодно и мне работу.

– Прежде чем мы приступим к делу Харви Бассетта, – заявил он, – я хотел бы кое-что вам предложить. Это идея одного из моих партнеров, которому я сообщил, что направляюсь к вам. У нас в штате немало хороших аналитиков, двое из них вообще первоклассные, но, как справедливо заметил мой партнер, только вообразите себе потенциальный контракт с крупной корпорацией. Будет здорово, если мы объявим, что в ситуациях по-настоящему тяжелых будем привлекать нашего лучшего специалиста – Ниро Вулфа. Да одного имени даже будет достаточно! Разумеется, вам предстоит кое-что делать, но это необременительная нагрузка, мы знаем, как вы относитесь к работе. Для нас важнее всего ваше имя. Не мне вам разьяснять, насколько вы знамениты. Но это еще не все. Мы также хотим нанять Арчи Гудвина, и наша начальная ставка – сто двадцать тысяч долларов, десять тысяч в месяц, для вас и тридцать

шесть тысяч, по три в месяц, для Гудвина. Мы бы предпочли пятилетний контракт, но согласны и на трехлетний, если вы заупрямитесь. Готовы даже на ежегодный пересмотр условий, если таково будет ваше желание. Контракт начнет действовать с первого января, через два месяца, но объявим мы о нем, конечно, прямо сейчас. Вижу, как наяву, – никаких кричащих заголовков, простая фраза: «Если возникла серьезная проблема, наш Ниро Вулф к вашим услугам». – Вилар подался вперед, вся его угловатость – в подбородке, носу и ушах – словно выпятилась. – Сами понимаете, немедленного ответа я не жду. Вам наверняка потребуется время на обдумывание. К тому же вы захотите разузнать о нас подробнее. Но свое предложение я сделал и готов подписать контракт здесь и сейчас.

– Вы правы, я действительно хочу узнать о вас поподробнее. Где вы были и что делали в прошлую пятницу, двадцать пятого октября, с шести вечера до двух часов ночи?

Вилар откинулся на спинку кресла:

– Такого я не ожидал.

Вулф кивнул:

– Мы с вами квиты. Вчера вечером, уже в завершение беседы, мистер Аккерман спросил, на самом ли деле я думаю, что кто-то из вас шестерых убил Харви Бассетта. Я ответил, что плачу трем своим людям по сорок долларов в час, чтобы они собирали сведения о вас. Это не десять тысяч долларов ежемесячно, но сумма все равно выходит приличная. Да и справятся они быстрее, чем за месяц. Вы работаете в сфере безопасности. Ричард Никсон, который отчаянно старался удержаться на плаву, много и пространно вещал о национальной безопасности. Вы каким-либо образом были вовлечены в эту скандальную историю, которую принято именовать Уотергейтом?

– Нет.

– Вы как-то связаны с теми людьми, которые могли быть к ней причастны?

– Один из техников, изучавших ту запись с восемнадцатиминутной паузой, выполнял кое-какие мои поручения. Послушайте, Вулф, в своем бизнесе я не отвечаю на вопросы – я их задаю. А, ладно, забудем. Прошлая пятница, говорите? Ничего я вам не скажу, других донимайте. Зря мы Аккермана не послушали, надо было идти к окружному прокурору. Что вы затеяли? Почему отвергли предложение Хана? Что вы пытаетесь продать?

Вулф помахал пальцем. Опять. Похоже, Уотергейтский скандал лишил его самообладания.

– Я ничего не продаю, мистер Вилар. – Он подчеркнул голосом ударение на «и». – Я покупаю – удовлетворение для самолюбия. Харви Бассетт хотел услышать от вас, что стараниями Ричарда Никсона вам стало труднее предлагать свои услуги. А может, наоборот, легче?

– Что ж... – Вилар неспешно поднялся, без резких движений, поглядел на Вулфа сверху вниз, явно наслаждаясь превосходством в росте. – Что ж, я иду к окружному прокурору.

– Сомневаюсь, – возразил Вулф и повернулся ко мне. – Какие шансы, Арчи?

Я поджал губы:

– Четыре к одному.

– Я бы сказал: пять к одному, – поправил Вулф. – Сто долларов против двадцати, что не пойдете.

Вилар молча повернулся и прошествовал к выходу. Нет, не так. «Прошествовал» не годится для человека, у которого ноги коротковаты. Я проводил его до двери, прикинул, не попросить ли повышение – четыре штуки в месяц вместо трех, – но решил, что сейчас не время для торга. Вернулся в кабинет и сказал Вулфу:

– На самом деле шансы – один к десяти. Он ведь из тех, кто распускает все паруса, а затем надувает щеки и принимается усиленно дуть.

Глаза Вулфа сузились.

– Это кто написал? Или сказал?

– Я. На днях я листал книжку, которую вы недавно купили, «Плавания в южных морях»²¹, и заразился морским настроением. Вилар – наш убийца?

– Нет. Возможно, он убил Бассетта, но не Пьера. Он не стал бы рисковать, подкладывая бомбу. Безопасность... Проклятье! Никто из них, думаю, не сделал бы этого. Они все привыкли осторожничать. Согласен?

– Нет. Кто-то из них может располагать способом разжиться бомбой так, чтобы другие не узнали. Айгоу же и подавно мог изготовить ее собственноручно.

Вулф фыркнул:

– Да, это не исключено. Он меня пугает. Самое страшное на свете – это физик, увлеченный новыми идеями. Пф! Докладывай.

– Новостей пока никаких. Орри в «Рустермане» ничего не выяснил, так что я поручил ему следить за Айгоу. Джадд, по словам Сола, настолько правильный, цельный и уважаемый, что хоть памятник при жизни ставь. Фред уверяет, что о Виларе все отзываются неплохо, но ему кажется, что, если кого-нибудь подпоить, картина изменится. Аккер...

– Когда они будут звонить в час, вели им подойти сюда к шести.

– Уже велел. Они прекрасно понимают, что не отработывают свой гонорар. Аккерман звонил из Вашингтона и предупредил, что наши телефон и кабинет могут прослушиваться. Чек на вашем столе – это на наличные, запас оскудел. Письмо от Хьюитта по поводу новой орхидеи было отправлено в прошлую субботу и ползло шесть дней с Лонг-Айленда на Манхэттен. Сорок две мили! Я пешком за день пройду.

Вулф перебрал почту, просмотрел письма, встал и направился на кухню. К ланчу намечались свиные ребрышки под соусом из красного вина с добавлением восьми трав и специй. Вулф хотел убедиться, что Фриц не пожадничал с чесноком. У них были разногласия по поводу чеснока – Черногория против Швейцарии.

Как правило, я стараюсь не рассказывать о своих личных делах, но, раз уж вам известно, что до Бенджамина Айгоу я добрался благодаря Лили Роуэн, стоит упомянуть, что я звонил Лили дважды: сообщить, что виделся с Айгоу и что расследование продолжается. Днем, когда с ребрышками было покончено, с почтой разобрались, я сходил в банк и обналичил чек, а Вулф удалился на дневное общение с орхидеями, я снова позвонил Лили, обрадовал ее тем, что меня пока не посадили, и прибавил, что смогу, наверное, провести с ней выходные, если она готова меня терпеть.

– Думаю, часок я тебя как-нибудь выдержу, а там посмотрим, – ответила она. – В любом случае нам нужно увидеться. Я только что вернулась с ланча с Дорой Бассетт, и она опять о тебе спрашивала. Хотя сама призналась, что никогда не видела. Колись: ты что, обладаешь каким-то магнетизмом? Может, через приборы людей притягиваешь?

– Чего нет, того нет. Прошу, больше не произноси слова «электроника» в моем присутствии. Да, и еще одна просьба. Что конкретно Дора хотела узнать?

– Эй, уйми свой пыл! Ничего личного. Она спросила, встречались ли мы и удалось ли тебе установить, кто подложил бомбу в пальто Пьеру. Ну, по имени она его, конечно, не звала, это уже мое, а она сказала то ли «тому человеку», то ли «тому официанту». А у меня есть право звать его по имени. Как ты знаешь, для меня он был лучшим среди всех официантов. Запомнил с первого раза, что я предпочитаю класть вилку справа от тарелки.

Отдаю Лили должное: она не стала меня пытаться относительно подробностей расследования. Просто молодчина! Я бы купил пьедестал и водрузил Лили на него, будь у меня уверенность, что она устоит. Но она либо свалится, либо слезет сама, не сомневайтесь.

²¹ Имеется в виду книга «Открытие европейцами Америки: плавания в южных морях» (1971) американского историка С. Морисона.

В шесть вечера, когда Вулф спустился из оранжереи, в красном кожаном кресле опять кто-то сидел. На сей раз это был Сол Пензер, а Фред и Орри расположились в желтых креслах. Для разнообразия все мы потягивали мартини. Фреду вкус джина не нравится, однако он решил не выпадать из коллектива. Вулф не стал просить пива, и я счел это обстоятельство дурным знаком. Когда Вулф забывает о пиве, хватай пальто и галоши.

Он сел и внимательно оглядел троих:

– Ничего?

Они закивали, а Сол сказал:

– Никогда столь многим не удавалось сделать столь немного²². Вы с Арчи хотя бы видели этих людей вживую.

– И что с того? Ничего полезного мы не выяснили. Так, на выходных работать всегда непросто, поэтому не утруждайтесь. К тому же Арчи уедет... Возобновите работу в понедельник. Фред, на тебе по-прежнему мистер Вилар. Он нервничает. Постарайся узнать причину. Позвони Арчи утром в понедельник, в обычное время. Орри, скольких человек ты опросил?

– Всех, кроме троих, которые отсутствовали. Один помощник официанта вроде бы видел кого-то постороннего в понедельник, но он работает в ресторане всего неделю и вообще не слишком умен. Вдобавок большинство уклонялось от прямого ответа. Они знали, что я пришел расспрашивать о Пьере, и не хотели, разумеется, чтобы их втягивали в расследование убийства. Не исключено, что вы бы из них что-то да вытрясли, но я не уверен. Если хотите, могу привести их сюда, по несколько человек зараз.

Конечно, он понимал, что Вулф откажется. Ни Сол, кстати, ни Фред такого бы не предложили.

Вулф проигнорировал это замечание.

– Тогда займись мистером Айгоу, но свяжись с Арчи утром в понедельник. Сол, ты мог бы поговорить с мистером Джаддом лично? Как по-твоему, есть в этом резон?

Сол покачал головой:

– Вряд ли. Как по мне, и вам не стоит. Я хорошо его изучил, а вы видели лично, вместе с остальными.

– Верно. Полагаю, Арчи рассказывал, что мистер Хан предложил мне сто тысяч долларов, и вот с ним я повидаюсь. Мистер Аккерман уже приходил, а мистер Уркхарт отбыл в Вашингтон. Помнится, в среду вечером ты предлагал заняться мисс Дюко?

– Я сказал, что стоит попробовать. Что Арчи смахивает на мужского шовиниста, а я – нет.

– Хорошо. Встреться с ней. Она скармливает сведения компьютеру в Нью-Йоркском университете. Думаешь, завтра, в субботу, она будет на работе?

– Думаю, нет, но я проверю. И мне нужно расспросить Арчи насчет нее. – Сол повернулся ко мне. – Что посоветуешь?

– Раз уж ты обозвал меня мужским шовинистом, то мой тебе совет – изнасилуй ее. Ножи у нее стройные.

– Давайте я к ней подкачу, – вызвался Орри. – А Сол пусть Айгоу занимается. Айгоу башковитый, у него ученая степень есть.

Мы все в удивлении уставились на Орри. Ну да, он пользуется успехом у женщин, это все знают, но никто не ожидал, что он осмелится предложить Вулфу – не мне, а Вулфу – перераспределить задания.

Вулф покачал головой:

– Сол первым попросил. Арчи успел сообщить, что двое, Аккерман и Вилар, угрожали обратиться к окружному прокурору? Мы считаем, что они блефуют, но если нет, то у нас воз-

²² Отсылка к известной военной речи У. Черчилля, произнесенной 20 августа 1940 г., в ходе Битвы за Британию: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов столь многие не были обязаны столь немногим».

никнет серьезная проблема. Мистер Кремер тогда обратит самое пристальное внимание на этих шестерых мужчин и узнает, что я поручил вам навести о них справки. Вас будут допрашивать. Вам известно, как мы с Арчи стараемся вести себя с мистером Кремером и с окружным прокурором. Но наши усилия не окупятся, если вы поведете себя иначе. Ничего не рассказывайте. Молчите. Возможно, вас задержат как важных свидетелей, даже обвинят в препятствовании правосудию. Мистер Паркер, разумеется, обеспечит вам освобождение под залог. Не исключено, что позднее вас осудят как преступников, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого не допустить. – Он поджал губы. – Предлагаю выбрать. Вы можете остаться и рискнуть, а можете незамедлительно покинуть мой дом. Сменить юрисдикцию и страну. Уехать в Канаду или в Мексику. За мой счет, естественно. Если решите уехать, не теряйте времени. Уезжайте сегодня же.

– Я останусь, – подал голос Фред. – Есть у меня мыслишка насчет Вилара.

– Наверное, мне не следует этого говорить, – произнес Сол, – но я все равно скажу. Вот уж не думал, сэр, что вы решите, будто мы можем сбежать.

– Я так не думал, – возразил Вулф.

Ох уж эти мне игры в благородство. Один, видите ли, не думал, второй усомнился, хотя прекрасно знал... Для кого этот спектакль?

Глава 11

Признаю, что мне, как и всем вокруг, нравится думать, будто меня посещают озарения. Например, как-то раз я был в кабинете главы брокерской конторы на Уолл-стрит, куда пригласили четверых сотрудников, и, поговорив с ними пять минут, я счел, что понял, кто из них приторговывает информацией; а через две недели он сознался. Или вот: к нам как-то пришла женщина и попросила Вулфа узнать, кто украл ее браслеты с изумрудами и рубинами. Когда она ушла, я сказал, что она отдала драгоценности своему племяннику, но Вулф все-таки взялся за расследование – ему хотелось купить несколько новых экземпляров орхидей – и сильно о том пожалел впоследствии, когда пришлось судиться за гонорар. Кстати, отчасти именно поэтому он думает, что я способен оценить любую женщину буквально за десять минут.

Но не стану утверждать, что в воскресенье утром меня посетило предвидение. Лично мне в голову не приходит, откуда и с какой стати оно взялось. Может, конечно, я съел что-то такое на завтрак, но это маловероятно, поскольку Фриц не подавал ничего необычного.

В общем, у меня случилось что-то вроде прозрения или озарения. Когда я одевался и собирал вещи, готовясь к поездке в загородный дом Лили Роуэн в Уэстчестере, который она называет Поляной, то смотрел на себя в зеркало. Мне нравилось мое отражение. Я получаю удовольствие от бритвы. Мои волосы выглядят хорошо, а молния работает безотказно. Быть может, меня воодушевляла мысль провести сорок восемь часов вдали от Вулфа – сами знаете, обстановку следует менять, – но еще я предвкушал свежий воздух и все прочее.

Увы, на сей раз все как-то не заладилось. Электрическая бритва гудела слишком громко. Мои пальцы совершенно не слушались, когда я взялся за шнурки. Кончик галстука упорно не желал распрямляться. Продолжать можно долго, но, полагаю, вы уже поняли, к чему я клоню. Однако я все же справился – во всяком случае, спустился в прихожую.

Я должен был подъехать в «хероне» к дому Лили в одиннадцать и ждать ее снаружи, а на часах было всего десять двадцать пять, так что спешить было некуда. Я поставил сумку в прихожей, заглянул на кухню сказать Фрицу о своем отъезде, затем зашел в кабинет удостовериться, что все в порядке. Когда я прикоснулся к ручке сейфа, зазвонил телефон. Надо было бы подождать, пока трубку снимет Фриц, но привычка есть привычка, и я не удержался:

– Резиденция Ниро...

– Хочу задать тебе всего один вопрос. – Это был Лон Коэн.

– Если ответ – да или нет, то задавай.

– Не выйдет. Когда и где ты в последний раз видел живой Люсиль Дюко?

В кресло я рухнуть не мог, оно было развернуто в другую сторону. Пришлось зацепить ногой, подтянуть к себе и лишь потом присесть на краешек.

– Не верю! Черт подери, не верю, хоть ты меня режь!

– Ага, все так говорят. Небось, и глаза выпучил?..

– Хватит паясничать. Когда это случилось?

– Сорок минут назад. Нам только что сообщили. Ее убили на Пятьдесят четвертой улице, в нескольких шагах от дома. Застрелили то ли в грудь, то ли в живот. Фриблинг там, Боб Адамс едет. Если...

Я повесил трубку.

Моя ладонь снова легла на нее, словно сама собой. Не вру. Палец дернулся набрать номер убийного отдела Южного Манхэттена. Естественно, я усмирил самовольный палец и уставился на трубку. Моя челюсть, поначалу как окаменевшая, потихоньку поползла вниз. Усилием воли я сомкнул губы и зажмурился. Затем снял трубку и набрал номер.

После шести гудков мне ответили:

– Слушаю?

– Это я. Доброе утро, только оно не доброе. Я уже собирался уходить, когда позвонил Лон Коэн. Произошло новое убийство, меньше часа назад. Убили Люсиль Дюко, дочь Пьера. Я в растерянности. Честно, не знаю, как быть, и Вулф тоже. Надеюсь, у тебя выходные пройдут лучше. Мы обычно не говорим «мне жаль», сейчас я этих слов не произнесу и тебе не советую. Буду думать о тебе каждый час. Пожалуйста, думай обо мне.

– Даже не спрашиваю, могу ли я чем-то помочь. Если бы могла, ты бы попросил.

– Верно. В другой раз.

Мы оборвали разговор. Я просидел три минуты, встал, вышел в прихожую и не спеша поднялся в оранжерею. В третий, если не в четвертый раз мне довелось миновать все три помещения – холодное, умеренное и жаркое – фактически вслепую. Будто в них не было ни единого цветка.

Теодор сидел за маленьким столиком в горшечной и что-то записывал в блокнот, а Вулф стоял у длинного лотка, изучая нечто в большом горшке. Вероятно, это была орхидея, но в тот миг я не отличил бы орхидею от сорняка. Услышав мои шаги, он обернулся и нахмурился:

– Мне казалось, ты должен был уехать.

– Я собирался, но позвонил Лон Коэн. Люсиль Дюко застрелили около часа назад на улице, в нескольких шагах от дома. Больше он ничего не знает.

– Не верю.

– Именно так я ему и сказал. Пришлось повторить в уме всю таблицу умножения, прежде чем я успокоился. Простите, что нарушил ваше расписание.

– Проклятье! Езжай.

– Конечно, – кивнул я. – Там непременно будет Стеббинс, и меня задержат. Наверное, на...

– Нет. Уезжай за город. Отдохни, как планировал. Скажи Фрицу, чтобы закрылся на засов и на звонки не отвечал. Я свяжусь с Солом и поручу ему обзвонить Фреда и Орри.

– Уф... Может, все-таки сядете и подумаете? Двух минут вам, полагаю, хватит. Если Белый Передник – ну, служанка – до сих пор молчала, теперь она заговорит. Копы узнают, что мы ходили к Пьеру. Что служанка застала меня в комнате Люсиль. Что Люсиль целый час следила за мной, пока я обыскивал комнату Пьера. Значит, мне известно то, что должно быть известно полиции, а то, что знаю я, знаете, разумеется, и вы. Если я уеду на выходные, а вы запретесь на засов и не станете отвечать на звонки, будет только хуже. Я уже предупредил мисс Роуэн.

Здесь, наверху, Вулф обыкновенно сидел на табурете у скамьи, но в углу стояло довольно просторное кресло, и он направился туда. Поскольку он ненавидит задирать голову, чтобы посмотреть на стоящего собеседника, я последовал за ним, подтащил увесистый ящик для транспортировки цветов, перевернул его и сел.

– Сегодня суббота, – сказал Вулф.

– Так точно, сэр. Паркер наверняка играет в гольф. Даже если я разыщу его, судей нам не найти, а Коггин вряд ли выкинул те ордера, которыми он нам грозил. Если хотите ночевать сегодня дома, досчитайте до десяти и хорошенько все обдумайте. Не надо на меня так зыркать. Я вас не убеждаю, даже не предлагаю, просто рассказываю, к каким выводам пришел, когда покончил с таблицей умножения. Сдается мне, карты придется раскрыть, зато мы сможем продолжить расследование тяжкого преступления, совершенного на частной территории.

– Уговариваешь, – проворчал он.

– Все нет. Я в игре, если вы не сдаетесь. Сейчас одиннадцать, пора идти вниз в любом случае, так что идемте. Сядете в свое кресло, откинетесь на спинку, закроете глаза и будете шевелить губами. Кремер, не исключено, уже выдвинулся к нам. А если нет, то скоро выдвинется, допускаю, что с наручниками. Мы скрываем подробности убийства, он это знает, и вы

знаете. Фактически подробности трех убийств, ведь, если служанка заговорила, Кремер узнал об обеде и о записке Бассетта.

Вулф поднялся и направился к двери. Он всегда ступает с таким видом, будто весит двенадцатую, а не седьмую часть тонны. Когда дверь в жаркое помещение за ним закрылась, Теодор обронил:

– Ты всегда приходишь сюда с дурными вестями.

Как по мне, для любителя орхидей Теодор может быть настолько хорош, насколько ему кажется, но как закадычный собутыльник – это выражение я почерпнул из словаря, Вулф утверждал, что оно просторечное и не стоит так говорить вслух, – он никуда не годится. Поэтому я не стал отвечать; мне хотелось бросить цветочный ящик, чтобы Теодору пришлось самому возвращать его на место, но такой поступок был бы как раз в его духе, и я себя пересилил – перевернул ящик и оттащил в угол, прежде чем уйти.

Вулф, разумеется, воспользовался лифтом. Когда я вошел в кабинет, он стоял возле огромного глобуса и медленно его вращал. То ли подбирал местечко для бегства, то ли прикидывал, куда мы можем податься вдвоем. Я сел за свой стол:

– Когда Сол, Фред и Орри услышат новость, то обязательно позвонят. Ставлю на Сола. Что мне ему говорить?

Вулф продолжал вращать глобус, спиной ко мне:

– Чтобы вышел на связь утром в понедельник.

– А если он к тому времени будет за решеткой?

– Тогда пусть звонит, когда мистер Паркер его вызовет.

Я вышел в прихожую и поднялся по лестнице в свою комнату. Во-первых, желание пнуть Вулфа по его толстому седалищу было необыкновенно острым, и пришлось укрыться там, где я не мог его видеть; во-вторых, одежда, собранная для выходных за городом, ничуть не подходила для места, в которое я, возможно, попаду. Подбирая одежду попроще и переодеваясь, я пытался вспомнить, когда раньше нам было так же паршиво. Пытался, но не смог. Этому должна быть причина, но какая? Я все ломал голову, натягивая старый пиджак, когда зазвонил телефон.

– Резиденция Ниро...

– Ты там, Арчи? Я думал, ты уедешь...

– Угу, все думали. – Как я и предполагал, первым объявился Сол. – У меня есть новости.

Судя по всему, у тебя тоже.

– Да, услышал по радио. Решил, что ты уехал, а Вулфу может понадобиться помощь.

– Верно. Ему нужен хороший пинок, и я едва сдержался, чтобы не пнуть эту жирную задницу. Спросил у него, что говорить, если ты позвонишь, и он велел выходить на связь утром в понедельник.

– Не пойдет.

– Ему скажи.

– Господи боже, он что, не понимает, что кошка сбежала?!

– Не-а. Я сказал, что, если он хочет ночевать сегодня дома, придется признаваться, а он только на меня зыркнул. Что передавали по радио?

– Что ее застрелили, а полиция приступила к расследованию. И что убили дочь Пьера Дюко. Кстати, я звоню предложить помощь и заодно доложить. Я связался с ней утром, в девять часов, и сказал, что по просьбе Ниро Вулфа хочу с ней увидеться и задать пару вопросов. Она ответила: «Ну, задавайте». Я сказал, что это не телефонный разговор, и тогда она попросила перезвонить ближе к полудню. Когда я звонил утром, трубку сняла какая-то женщина, наверное, та, кого ты зовешь Белым Передником. Я представился и сообщил, что работаю на Ниро Вулфа.

– Замечательно. Отлично! Обалденно! Не забудь зубную щетку в карман сунуть.

– И парочку книжек, ага. Если я буду молчать, мне обеспечат долгий отдых.

– Счастливых выходных, – проворчал я и повесил трубку.

В моей спальне имеется полка с книгами, моими собственными, и я подошел к ней, чтобы взять одну – сам не знаю почему, ведь у меня совершенно не было настроения что-либо читать. Потом я вспомнил, что надо бы, пожалуй, известить о происходящем Фрица. Я вышел из комнаты, спустился в прихожую и повернул направо, а не налево. На кухне Фриц возился у большого стола, что-то с чем-то смешивая. В иных обстоятельствах я бы не преминул уточнить, что именно с чем именно, но сейчас мне было не до того. Все стены и двери на этом этаже были звуконепроницаемыми, поэтому я не понял, почему он не удивился, завидев меня.

– Что-то стряслось? – спросил он.

Я сел на табурет:

– Да, но худшее впереди. Убили женщину, и это заставило нас поменять все планы, а он пытается поставить новый мировой рекорд по ослиному упрямству. Насчет завтрака для меня не беспокойся, я обойдусь гвоздями. Знаю, тебе с ним тоже нелегко, все эти споры из-за чеснока, ягод можжевельника и лаврового листа, однако...

В дверь позвонили. Я соскользнул с табурета, вышел в прихожую, бросил взгляд сквозь одностороннее прозрачное стекло в двери на крыльцо – и двинулся в кабинет. Вулф сидел за своим столом и пересчитывал крышки от пивных бутылок, извлеченные из выдвинутого среднего ящика.

– Явились быстрее, чем я ожидал. Это Кремер. Звонил Сол. Он разговаривал с Люсиль Дюко по телефону в девять утра. Трубку сняла служанка, он назвал ее и сказал, что работает на вас. Люсиль он сообщил, что хотел бы встретиться и задать несколько вопросов. Она попросила перезвонить около полудня.

Дверной звонок задребезжал снова.

– Грр! – прорычал Вулф.

– Согласен. Мне впустить Кремера?

– Впусти.

Я вновь вышел в прихожую и распахнул настежь входную дверь. Кремер прошествовал мимо меня, а я задержался на пороге и оглядел улицу. Инспектор припарковался вторым рядом, водитель за рулем, еще один коп на заднем сиденье. Лицо знакомое, но лично не общались. Когда я обернулся, Кремера в прихожей не было. Я запер дверь и направился в кабинет. Он стоял у края стола Вулфа, как был, в пальто и шляпе, и громко излагал:

– ...Могу присесть, а могу не садиться. В машине ждет стенографист. Если я позову его, вы будете говорить?

– Нет.

– Возможно, у меня для вас новости. Вам известно, что дочь Пьера Дюко застрелили у самого ее дома четыре часа назад?

– Да.

– Ну конечно. Старик в ее квартире отказывается говорить на человеческом языке, но мы с детективом из бюро по расследованию убийств целый час беседовали со служанкой Мари Гарри. Продолжите молчать?

– Да.

– Черт побери, Вулф, что вас гложет?!

– Три дня назад я вам объяснил, что меня сильно расстроили и лишили самообладания. С тех пор я сумел овладеть собой, но по-прежнему пребываю в бешенстве. Мистер Кремер, я ценю вашу честность, ваши таланты и способность к пониманию. Более того, я в некоторой степени вам доверяю. Разумеется, никто на свете не доверяет другому полностью, лишь тешит себя иллюзиями на сей счет, потому что ему нужен человек, которому можно доверять. Но в этом деле я доверяю исключительно самому себе. Как я сказал, я в бешенстве.

Кремер повернул голову, словно желая посмотреть на меня, но как будто не увидел. Потом подался вперед, навис над столом Вулфа, упираясь ладонями в столешницу:

– Я привез сюда стенографиста, поскольку вам, Вулф, я тоже в некоторой степени доверяю. Ну так вот. Скажу следующее не как инспектор Кремер или мистер Кремер частному детективу или конкретно мистеру Вулфу, а как просто Кремер просто Вулфу. Как мужчина мужчине. Если не бросите упрямыться, вам хана. Понятно? Ну что, я зову стенографиста?

Вулф покачал головой:

– Я ценю вашу заботу, Кремер. Но отвечаю вам как Вулф: нет.

Кремер выпрямился, развернулся и выскочил в прихожую.

Когда стукнула входная дверь, я не стал утруждаться и проверять. Если он остался внутри, что ж, его право.

– Так, маленькое замечание, – сказал я Вулфу. – Уж не знаю, сочли вы для себя полезным это выяснить или нет, но бюро по расследованию убийств – это шайка копов, которой приказывает не Кремер. Они подчиняются окружному прокурору.

– Знаю.

Вот и поди пойми, узнал он это от меня сейчас или когда-то раньше.

– Один из этих копов помогал Кремеру допрашивать Мари Гарри. Так зовут служанку Дюко. Кремер приехал сюда прямиком после допроса, потому что он вам сочувствует. В такое трудно поверить, но вы постарайтесь и пошлите ему рождественскую открытку, если будете там, где открытки продаются.

Вулф прищурился:

– А ты переоделся.

– Угу. Предпочитаю одеваться по ситуации. Это тюремный наряд.

Он опять выдвинул ящик стола, ссыпал туда пивные крышки, закрыл ящик, оттолкнул кресло, поднялся и шагнул к двери. Наверное, велит Фрицу поторопиться с ланчем. Но нет, в прихожей он свернул направо, дверца лифта открылась и закрылась. Значит, поехал вверх сообщить Теодору, чтобы тот приходил завтра, в воскресенье. Нет, я снова ошибся. Вулф проехал всего один этаж. Он отправился к себе в комнату надеть собственный тюремный наряд, что бы под этим ни понималось. Именно в тот миг я махнул на все рукой. Единственное разумное объяснение состояло в том, что Вулф окончательно помешался; следовательно, выбор очевиден. Либо повиниться во всем, пойти на Двадцатую улицу, отловить Стеббинса или Кремера и признаться как на духу. Либо терпеливо ждать и наблюдать, как будет развиваться ситуация.

Сам не знаю, честно, почему я остался. Не знаю, хоть режьте. Может, по привычке. Я же привык, что Вулф регулярно вытаскивает кроликов из шляпы. Может, из старой доброй верности. Вот он, простодушный Арчи Гудвин, дамы и господа, поприветствуем. А может, из откровенного любопытства: что действительно гложет Вулфа и сумеет ли он справиться со своими чувствами?

Некая растерянность не помешала мне сделать то, что я сделал. Когда я отправился на кухню и стал выгребать продукты из холодильника, мною двигали не верность и не любопытство, а элементарный здравый смысл. Не исключено, что за нами явится Коггин, а он будет счастлив застать нас за ланчем, но лично я сыт по горло теми сэндвичами, которые можно раздобыть в офисе окружного прокурора. Пока я доставал осетрину, хлеб, молоко, нарезанные кружочками огурцы, сельдерей и пряную вишню в бренди, Фриц хранил молчание. Он твердо знает, что все признают его главенство на кухне, а если я позволяю себе вольничать, значит сейчас не время вступать в споры. Мой экземпляр «Таймс» все еще лежал на стойке возле маленького столика, и я раскрыл газету на странице спортивных новостей. Настроение было... спортивное. Когда я доедал вишни, заскрипел лифт. В кабинете Вулф как ни в чем не бывало сидел за столом и решал кроссворд.

Похоже, я, сам того не замечая, приближался к точке кипения, и этот миг настал. Вулф и вправду отправился наверх переодеться. Но выбрал не самый старый, а самый новый костюм – нежного светло-коричневого оттенка с крошечными желтыми искорками, заметными лишь при ярком свете. Всего месяц назад он заплатил Бойнтону за этот костюм триста сорок пять долларов. Рубашка прежняя, желтая, естественно, зато галстук другой, шелковый, темно-коричневый, без узора. Ботинок мне было не видно, однако он вполне мог переобуться. Проходя к своему столу и усаживаясь, я все подбирал в уме замечание поязвительнее, но сумел промолчать. Я чувствовал, что мне предстоит узнать о Вулфе нечто новое. Понять бы что.

– Почта, – проронил он.

А я и не проверял почту сегодня. Конверты лежали в специальном лотке зеленого мрамора. Я взял перочинный нож и принялся их вскрывать. Минут двадцать со стороны все смотрелось так, словно эти выходные ничем не выделялись из череды прочих. Я достал блокнот, а Вулф изучал третье по счету письмо, когда пришел Фриц и позвал нас на ланч. Вулф поднялся и вышел, не взглянув на меня. Понятия не имею, как он догадался, что я перекусил заранее.

Я напечатал два письма и возился с конвертами, когда в дверь позвонили. Мои часы показывали 13:22. Настенные часы не возражали. По всей видимости, Коггин знал, что ланч у Вулфа начинается в четверть второго. Я вышел в прихожую. Но это оказался не Коггин. Прибыла парочка копов, которых я никогда раньше не видел. Они стояли на крыльце плечом к плечу, и у каждого в руке был сложенный лист бумаги. Когда я открыл дверь, тот, что справа, сказал:

– Ордер на задержание Ниро Вулфа и Арчи Гудвина. Вы Арчи Гудвин. Вы арестованы.

– Ладно, заходите. Дайте нам одеться.

Они переступили порог, и я закрыл дверь. В каждом по пять футов одиннадцать дюймов, вес фунтов сто восемьдесят, держатся прямо до отворачивания. Ни дать ни взять близнецы – узкие, вытянутые лица, большие уши. Правда, один белый, а второй чернокожий.

– Я уже поел, но мистер Вулф только приступил к ланчу. Вы позволите ему закончить? Всего полчаса?

– Конечно, почему нет? – откликнулся белый и начал снимать пальто.

– Спешить некуда, – подтвердил чернокожий.

Они неспешно избавились от пальто и повесили их на плечики. Кстати, явились без фуражек. Я показал им, где кабинет, а сам направился в столовую. Вулф как раз подносил ко рту порцию еды на вилке.

– Двое парней из бюро по расследованию убийств. С ордером. Лично я арестован. Спросил, дадут ли они вам доесть, и меня заверили, что торопиться некуда.

Вулф кивнул. Я медленно вышел, ожидая, что он скажет что-то мне вслед, но он промолчал. В кабинете белый офицер сидел в красном кожаном кресле и листал экземпляр «Таймс», а чернокожий стоял у книжных полок и разглядывал корешки. Я подошел к своему столу, заклеил конверты и убрал лишнее со стола, потом снял трубку и набрал номер. Иногда на то, чтобы дозвониться Лону Коэну, тратишь минут десять, но сегодня я уложился в две минуты.

– Так ты еще на свободе?

– Уже нет. Слушай, вот тебе первая обещанная подробность. Как раз успеешь вставить в вечерний выпуск. Ниро Вулф и Арчи Гудвин задержаны как важные свидетели по делу об убийстве. Только что. Нас забирают в участок.

– Тогда почему тебе разрешают звонить?

– Не знаю. Увидимся в суде.

Я повесил трубку, и чернокожий сказал:

– Этого не следовало делать.

Он сидел в желтом кресле с книжкой в руках.

– Разумеется. Но я не понимаю. Объясните, мне любопытно. Почему так мягко? Вам что, меня жаль? Или вы сочувствуете Ниро Вулфу?

– Нет. С какой бы стати?

– Тогда вы сильно отличаетесь от своего начальства.

– Ну, он нормальный парень. Не лучше и не хуже прочих.

– Гудвин, – вмешался белый, – нас предупреждали на ваш счет. Вы слишком любопытны. Не ломайте себе голову. Сегодня суббота, наша служба заканчивается в четыре, если не будем торопиться, то как раз к этому времени и прибудем. Так что спешить некуда, если вы, конечно, не возражаете.

Он перелистнул страницу газеты. Чернокожий раскрыл книгу; названия я не видел. А я достал из ящика стола пилку и занялся ногтем большого пальца правой руки.

Ровно в двадцать пять минут третьего мы спустились по семи ступенькам крыльца и расселись по машинам – Вулф с белым, я с чернокожим.

Глава 12

Молчать предельно просто, когда от тебя требуется лишь не раскрывать рта, но на самом деле это крайне затруднительно. У помощников окружного прокурора набита рука задавать вопросы, на которые не отмолчишься. Например:

«Почему вы принудили, физически принудили Люсиль Дюко оставаться с вами в комнате ее отца, которую вы обыскивали?»

«В подписанных показаниях, переданных сержанту Стеббинсу, вы утверждали, что сообщили все сказанное вам Пьером Дюко. Но вы не сообщили о том, что он видел, как один из гостей за обедом вручил Харви Бассетту какую-то записку. Почему вы об этом не сообщили?»

«Если Дюко не рассказывал вам о том, кто присутствовал на обеде, откуда вы узнали о Бенджамине Айгоу?»

«Если не Дюко рассказал вам о встрече за обедом, от кого вы узнали подробности?»

«Почему вы сказали Солу Пензеру, что Люсиль Дюко не будет с ним говорить?»

«Когда вам стало известно, что Ниро Вулф убедил Пьера Дюко не обращаться в полицию?»

«Что конкретно вы забрали из карманов Пьера Дюко, перед тем как сообщили о найденном теле?»

Это только несколько примеров. Я не стану воспроизводить те, которые задавал неведомый мне помощник прокурора (раньше мы с ним не сталкивались), самодовольный живчик в очках с золотой оправой. Его вопросы звучали, откровенно говоря, до смеха нелепо. Из них следовало, что Ниро Вулф якобы во всем сознался. Ну да, мне всячески давали понять, что сознались Сол, Фред и Орри. Ничего удивительного, обычная рутина. Но чтобы сознался Вулф – увольте! Что касается меня самого, не думаю, что я побил рекорд игры в молчанку, однако я молчал с трех часов дня субботы до одиннадцати тридцати утра понедельника, хотя мне задали, должно быть, минимум пару тысяч вопросов; резвились и трое помощников окружного прокурора, и Джо Мёрфи, начальник бюро по расследованию убийств. Его вопросы по большей части убийств не затрагивали. Он хотел знать, почему мы с Вулфом так долго собирались в субботу днем и откуда «Газетт» столь своевременно узнала о нашем аресте. С ним молчать было чертовски приятно, потому что я испытывал искреннюю благодарность к своим неспешным конвоирам, но вот с другими копами дело обстояло хуже, и от постоянного сжимания зубов у меня заболела челюсть. Беда в том, что я давно прославился своими острыми и содержательными ответами на вопросы. Копы это знали и потому усиленно пытались меня разговорить, причем двое старались до омерзения ловко. Впрочем, отказ отвечать на вопросы не предполагает выбора; раз уж решил молчать, то молчи до упора, проглоти язык и не забывай об этом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.